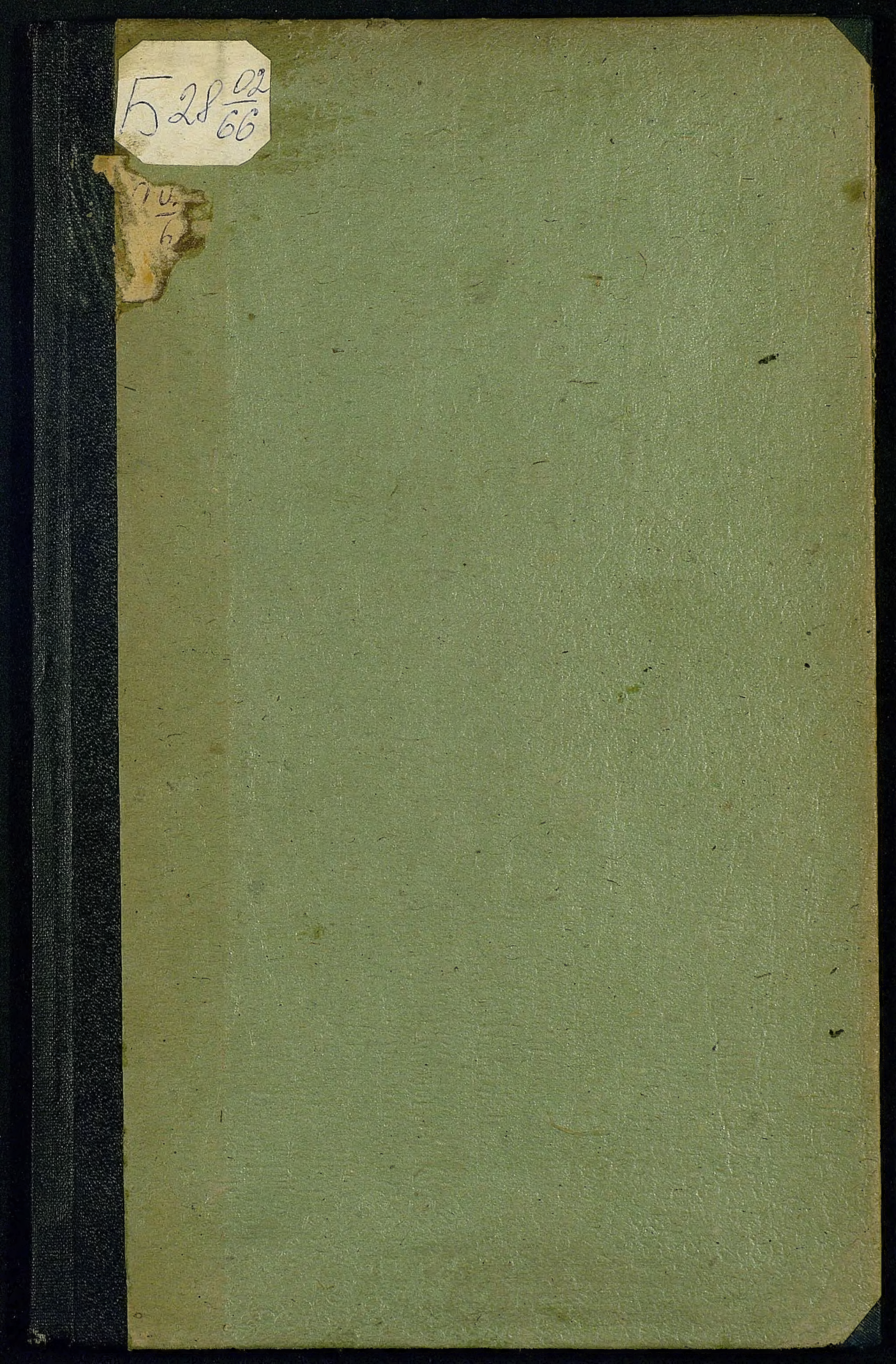
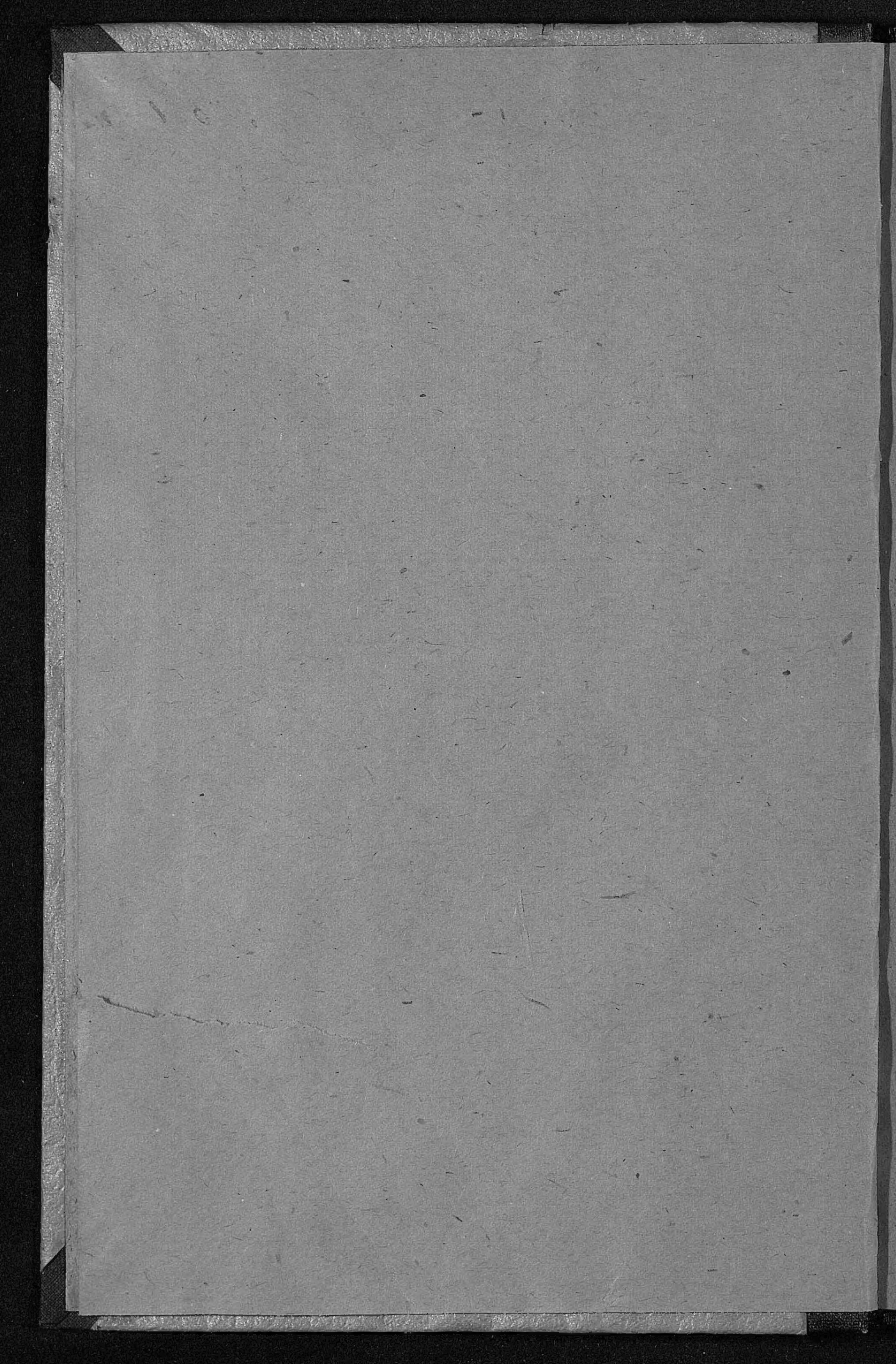

Б 28 02/66

ОЧЕРКИ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА.

I. Древнѣйшія времена славянской исторіи и литературы

(ДО КОНЦА X В.).

ПРОФ. А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1887.

ОЧЕРКИ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА.

I. Древнѣйшія времена славянской исторіи и литературы

(ДО КОНЦА X В.).

ПРОФ. А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1887.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ*.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА.

ДРЕВНѢЙШІЯ ВРЕМЕНА

СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРЫ

(до конца X в.).

Еще Лейбницъ замѣтилъ: „Nihil majorem ad antiquas populorum origines indagandas lucem praebere, quam collationem linquarum". Но мысль эта долго не находила научнаго оправданія. Напротивъ, до весьма еще недавняго времени въ наукѣ заявлялись мнѣнія, что — „мы должны вполнѣ отказаться отъ изученія нѣмого прошлаго, какъ его событій и хронологій, такъ и его ученій и вѣрованій. Чтó потеряно, то потеряно, и чтó исчезло, то исчезло навсегда"... Только въ самое послѣднее сравнительно время, въ послѣднія 40 — 50 лѣтъ, наукѣ удалось сдѣлать новыя и неожиданныя завоеванія. Позднѣйшія изысканія матеріальной археологіи и сравнительнаго языкознанія[1]) открыли передъ нами отдаленнѣйшіе гори-

[1]) До конца прошлаго и даже долгое время въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ европейской наукѣ языкознанія господствовало мертвенное, узко-грамматическое направленіе; языкознаніе ограничивалось преимущественно сферой изученія классическихъ языковъ, сосредоточиваясь почти исключительно на изученіи ихъ грамматики и стилистики. Такъ наз. общая или философская грамматика, возникшая въ самомъ концѣ прошлаго вѣка, впервые внесла живой элементъ въ однообразную схоластическую область грамматическихъ изысканій: возникли тре-

зонты человѣческой культуры,—о которыхъ старая наука не могла даже и помышлять. Блестящіе результаты, столь быстро добытые этими науками, въ особенности изысканіями лингвистическо-историческими, дали возможность изслѣдователю приподнять завѣсу съ самаго отдаленнаго времени, за-

---

бованія разумной основы въ построеніи языка. Но философская грамматика, замѣчаетъ проф. Котляревскій, обѣщала бо́льше, чѣмъ могла дать: имѣя въ виду извлечь общіе результаты и подвести разумный, философскій итогъ тому, что́ было сдѣлано по языкознанію до той поры, — она прежній готовый матеріалъ приняла за чистую монету, не подвергла его критикѣ, и нисколько не сомнѣвалась ни въ пользѣ, ни въ законности сухаго, формальнаго изученія живаго языка. Безъ твердыхъ основаній, безъ отчетливаго изслѣдованія огромнаго матеріала, доставшагося ей въ наслѣдіе, она торопливо хотѣла построить цѣлую разумную грамматическую систему,—и могла построить одну только схему, форму, безъ внутренняго содержанія и жизни.. Задолго до возникновенія философской грамматики, многими учеными и писателями, при историческихъ изслѣдованіяхъ, заявлялись пріемы сравнительнаго сближенія языковъ. Но сближенія эти не имѣли подъ собою никакой сколько нибудь научной почвы. Сравненія словъ дѣлались самыя произвольныя,—свидѣтельствуя лишь о богатствѣ остроумія и фантазіи своихъ авторовъ.. Прочную, научную почву сравнительному изученію языковъ дало знакомство европейцевъ съ *санскритомъ*, начавшееся со времени завоеванія Индіи англичанами, въ концѣ прошлаго вѣка. Первый шагъ въ изученіи санскрита сдѣланъ былъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ В. Джонсомъ († 1794), который отправившись въ Индію, основалъ въ Калькуттѣ, въ 1784 г., «Азіатское Общество», поставившее изученіе санскрита, его грамматики и памятниковъ, на немъ написанныхъ, цѣлью своихъ ученыхъ занятій.

Уже самъ Джонсъ высказывалъ мысль, что сходство санскрита съ языками греческимъ и латинскимъ, а также германскимъ и кельтскимъ—«не можетъ быть объяснено иначе, какъ принятіемъ мысли, что они произошли отъ одного общаго источника, быть можетъ, уже не существующаго». Но первый капитальный трудъ, написанный на почвѣ сравнительнаго изученія санскрита и другихъ древнѣйшихъ азіатскихъ языковъ съ языками Европы, принадлежалъ Францу Боппу, который въ своемъ сочиненіи: Ueber das Conjugationssystem der Sanscritsprache in Wergleischung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen

глянуть на первыя страницы человѣческой исторіи, — въ ту эпоху человѣчества, когда различныя племена, развившіяся впослѣдствіи въ отдѣльныя, самостоятельныя народности, жили еще одною общею жизнью, составляли собою одинъ народъ,—когда въ умѣ первобытнаго человѣка возникали первые зародыши понятій общественныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, другими словами, когда въ первобытной жизни дикаря слагались первые зачатки будущей культуры. На почвѣ лингвистическихъ данныхъ возникли изслѣдованія чисто историческаго характера. Лингвистическія изысканія доказали высокое значеніе языка, какъ источника исторической науки, — и послѣдняя быстро завоевала себѣ новую обширную область для изслѣдованій. Начало духовнаго развитія народовъ отодвинулось гораздо дальше тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ начиналось въ старой наукѣ, въ несравненно болѣе отдаленную, до-историческую глубину вѣковъ, въ эпоху, задолго предшествовавшую эпохѣ Ведъ...

Sprache, изданномъ во Франкфуртѣ, въ 1816 году,—подробнымъ разборомъ спряженій и образованія частей рѣчи, впервые доказалъ исконную близость этихъ языковъ и общность ихъ основаній. Спустя нѣсколько лѣтъ, тѣ же выводы Боппъ еще болѣе широкимъ образомъ обосновалъ въ «Сравнительной Грамматикѣ» (1833—1835), гдѣ онъ неопровержимыми научными сближеніями доказываетъ общность происхожденія санскрита, зенда, греческаго, латинскаго, литовскаго, старо-славянскаго, готскаго и нѣмецкаго, а въ еще болѣе позднихъ монографіяхъ—языка кельтскаго (1839), старо-прусскаго (1853), албанскаго (1854 и 1855), наконецъ, во второмъ изданіи своей грамматики — и языка армянскаго (1856—1861). Этими трудами санскритъ навсегда положенъ былъ въ основу современной лингвистики. О постепенномъ развитіи сравнительныхъ лингвистическо-историческихъ изученій см. книгу Шрадера, Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія, Спб., 1886; также: Котляревскаго, Сравнительное языковѣдѣніе. Филол. Зап., 1862—63, вып. III—V.

Историкъ народной литературы, желая проникнуть до первыхъ источниковъ духовной жизни народа, до первыхъ исходныхъ пунктовъ ея, долженъ такимъ образомъ прежде всего превратиться въ археолога и лингвиста — и первыя страницы своего изложенія посвятить очерку первобытной народной культуры и языка.

I.

Нѣкогда, на самой зарѣ человѣческой исторіи,—къ сѣверу отъ Гиммалая, жило одно общее племя, говорившее однимъ языкомъ и хранившее въ себѣ могучіе элементы будущей культуры и цивилизаціи. Это было племя аріевъ, племя „благородныхъ", — какъ оно называло само себя [1]).

Уже въ самую древнѣйшую пору человѣческой исторіи, куда только можетъ проникнуть взглядъ изслѣдователя,—мы видимъ вокругъ человѣка нѣсколько видовъ домашнихъ животныхъ, вполнѣ прирученныхъ. Корова, овца, коза,

[1]) Что прародиной первобытныхъ арійцевъ была верхняя центральная Азія, къ сѣверу отъ Гиммалая, выводъ этотъ принимается большинствомъ изслѣдователей,—но не всѣми. R. G. Latham первый возсталъ противъ этого мнѣнія, изложивши въ изслѣдованіи: Elements of comparative philology, Lond., 1862, съ новыми доказательствами свои сомнѣнія, которыя заявлялись имъ еще въ 50-хъ гг. Сомнѣнія Latham'а поддержали W. Whitney, Benfey и нѣкоторые изъ нѣмецкихъ ученыхъ. По мнѣнію Latham'а и его сторонниковъ, прародиной арійцевъ была не Азія, а Европа: къ такому заключенію названныхъ изслѣдователей приводятъ съ одной стороны факты языка, съ другой—физіологическія соображенія. Подробнѣе объ этой теоріи, а также и о возраженіяхъ противъ нея, см. у Шрадера, Сравнит. языковѣдѣніе, стр. 121—155; а также: у G. Krek'а, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, Graz, 1874, стр. 4—7, и Пыпина, Древній періодъ русской литер. и образованности. Вѣстн. Евр., 1875, кн. XI, стр. 106—107.

верблюдъ, оселъ, собака — уже съ незапамятныхъ вѣковъ являются покорными человѣку; очень рано дѣлается домашнимъ животнымъ и лошадь [1]).

Арійцы вели преимущественно пастушескій образъ жизни. Первобытный аріецъ былъ пастухъ; стадо было его богатствомъ, цѣлью его войнъ (санскр. gávisthti, война, собственно значитъ „исканіе коровъ"), — оно давало ему и пищу и одежду. Самое важное мѣсто въ скотоводствѣ занималъ рогатый скотъ,—что́ можно видѣть изъ того, что названія его уже въ первобытное время являются спеціализированными, по различію вида и рода. Такъ скотъ для перевозки тяжестей въ санскритскомъ языкѣ назывался sthû-rá, — отсюда зендск. staora, ланск. taurus, греческ. ταῦρος, старослав. тγръ; рогатый скотъ вообще назывался у арійцевъ gô,—отсюда зендск. gâo, греч. βοῦς, лат. bos, старосл. говадо; кромѣ того, у арійцевъ существовало еще слово vacá, — отъ котораго произошло лат. vacca. Изъ мелкаго скота первобытному человѣку извѣстны были овца и коза, — доказательство чему находимъ въ одинаковости названій этихъ животныхъ въ большинствѣ индо-европейскихъ языковъ: старосл. сл. овьца одинаково съ санскр. ávi, греч. οἴς, лат. ovis, старо-верхне-нѣмецк. auwi, литов. awìs; старо-слав. сл. азьно, шкура,—съ санскр. ajá, греч. αἴξ, литов. ożys, того же значенія. Къ рогатому скоту, а также овцѣ и козѣ и др., издавна присоединялась собака, оберегательница стадъ, — древнѣйшее домашнее животное человѣка (ср. санскр. çván, зендск. spâ, греч. κύων,

---

[1]) Шрадеръ, Сравнит. языков, стр. 361, и далѣе, стр. 365—367.

лат. canis, ирланд. cú, герман. hund, лит. szũ)[1]).

Изъ дикихъ животныхъ извѣстны были, повидимому, лишь немногія—медвѣдь, волкъ, заяцъ[2]); по мнѣнію нѣкоторыхъ, также—левъ, тигръ[3]).

Вмѣстѣ съ скотоводствомъ, съ незапамятныхъ вѣковъ народамъ индо-европейской семьи были извѣстны начала земледѣлія. Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ главнѣйшіе термины земледѣльческаго дѣла, важнѣйшія земледѣльческія орудія и сельскія работы — означаются одними и тѣми же словами; приводимъ нѣсколько примѣровъ:

воздѣлываемое поле — греч. ἀγρός, латинск. ager, готск. akrs; ср. санскр. var, воздѣлывать поле, и старо-верхне-нѣм. uobo, землепашецъ;

пахать—греч. ἀρόω, лат. arare, ирландск. airim, старо-сл. орати, литов. árti;

плугъ — греч. ἄροτρον, армянск. arôr, лат. aratrum, ирланд. arathar, старо-сл. орало, литов. arklas; ср. санскр. vṙka и греч. εὔλαχα, означающія также плугъ;

борона, боронить—греч. ὀξίνη, лат. occa, occare, литов. akéti, akecźios; ср. также слѣдующія слова, означающія борозду: санскр. karschú, зендск. karscha, греч. τέλσον;

---

[1]) Шрадеръ, Сравнит. языковѣдѣніе, стр. 38—39. 363. 369. Ср. Леббока, Доисторическія времена, пер. Анучина, стр. 262—263.

[2]) Krek, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, стр. 18.

[3]) A. Pictèt, Les origines Indo-evropéenes ou les Aryas primitifs, essai de paléontologie linquistique, Paris, 1859—1863. т. I, 327 sqq.

сѣять—лат. s e r o, ирландск. s i l (сѣмя), готск. s a i a n, старо-сл. сѣꙗти, литов. s é t i.

сѣмя—лат. s a m e n, старо-верхне-нѣм. s a m o, старо-сл. сѣмѧ, старо-прус. s e m e n;

косить — греч. ἀμάω, старо-верхне-нѣм. m â j a n;

серпъ — греч. ἅρπη, старо-сл. срѣпъ, лат. s a r p e r e (жать); ср. санскр. l a v í, старо-сѣвер. l ê, греч. λαῖον, означающія также с е р п ъ;

молоть—греч. μύλη, лат. m o l e r e, ирланд. m e l i m, готск. m a l a n, старо-сл. мелѭ, лит. m á l t i [1]).

Къ этому присоединяется довольно значительное число общихъ названій х л ѣ б н ы х ъ растеній и другихъ п о л е в ы х ъ плодовъ. Въ виду этихъ и подобныхъ лингвистическихъ данныхъ, изслѣдователи заключаютъ, что „въ до-исторической жизни индо-европейскихъ народовъ не было такого времени, когда земледѣліе было бы совершенно неизвѣстно имъ". Само собою разумѣется, замѣчаетъ позднѣйшій изслѣдователь, мы должны представлять себѣ это до-историческое земледѣліе индо-европейцевъ —„находившимся на самой низкой ступени развитія. Поэту позволительно вводить въ толпу кровожадныхъ дикарей Цереру, съ первою жертвою благихъ колосьевъ приносящую имъ всѣ дары добрыхъ нравовъ; въ дѣйствительности безчисленны переходныя ступени, по которымъ земледѣліе, бывшее въ началѣ жалкою прибавкою къ кочевому скотоводству, возвышается до самобытнаго достоинства. Нужда, тяжкая борьба за жизнь, была тою силою, которая положила руку номада на ненавистный плугъ. Сосѣдъ, не дающій подвигаться со стадами дальше, быстрая рѣка, не-

---

[1]) **Ш р а д е р ъ**, Сравнит. языков., стр. 377—378.

проходимый лѣсъ принуждаютъ оставаться все на одномъ и томъ же мѣстѣ; скотъ, служившій пищею, погибаетъ весь въ суровую зиму; нечего ѣсть,—и постепенно люди уступаютъ необходимости, выдѣляютъ изъ необъятнаго пастбища маленькій кусокъ для новаго искусства. Но долгое время и послѣ того свободный мужчина уклоняется отъ непривычной работы, предоставляя ее женщинамъ, дѣтямъ, старикамъ и рабамъ. Шаткость юридическихъ отношеній, опасность нападенія сосѣда, заставляющая пахать съ оружіемъ въ рукѣ,— долго не позволяютъ земледѣлію подняться выше первыхъ необходимѣйшихъ началъ“ [1]).

Изъ хлѣбныхъ растеній арійцамъ съ незапамятныхъ временъ были извѣстны *ячмень*, *пшеница*, *полба* и *просо*; позднѣе стали они воздѣлывать *рожь* и *овесъ*. Очень рано также становятся имъ извѣстными: *горохъ*, *бобы*, *лукъ*, еще позднѣе—*рѣпа*, *чечевица*, *конопля* [2]).

Уже съ незапамятныхъ временъ обычной пищей арійцамъ служило *мясо*. Два изъ названій мяса изслѣдователями рѣшительно относятся къ основному индо-европейскому языку. Первое изъ нихъ: санскр. kravya, kravís, греч. κρέας, лат. caro, старо-верхне-нѣм. hrêo; эти слова находятся въ очень близкомъ родствѣ съ латинск. cruor, старо-сл. кръвь, старо-ирл. crú (кровь), поэтому, думаютъ, они обозначали сырое, кровавое мясо. Другое названіе: санскр. mâmsa, старо-прус. mensa, литовск. mièsà, старо-сл. масо, готск. mimz, обозначало, вѣроятно приго-

---

[1]) Шрадеръ, Сравнит. языков., стр. 379.

[2]) Шрадеръ, ib., стр. 380—384. Леббока, Доисторическія времена, стр. 162. М. Мюллеръ, Сравнит. миѳол., стр. 38.

товленное мясо. Во всякомъ случаѣ, первобытные арійцы имѣли уже понятіе объ искусственномъ приготовленіи мяса, — печеньи или жареньи, а можетъ быть, и вареньи; на это указываютъ тожественныя слова: санскр. рас (въ Ведахъ „жарить“), зендск. рас (употребляемое въ примѣненіи къ приносимому въ жертву животному), греч. πέσσω (πεκ-jω), латин. coquo, старосл. пекѫ, лит. pekú — первоначально значившія „жарить на вертелѣ“ [1]. На умѣнье первобытными арійцами варить кушанье—отчасти указываетъ и существованіе у нихъ съ незапамятныхъ временъ гончарнаго искусства.

Во всякомъ случаѣ, къ очень глубокой древности должно быть отнесено первое искусство дѣлать печеный хлѣбъ. Нѣчто подобное найдено было уже въ свайныхъ постройкахъ одной изъ долинъ Швейцаріи. „Совершенной неожиданностью, говоритъ Леббокъ о сдѣланныхъ тамъ находкахъ, было то, что нашелся печеный хлѣбъ въ формѣ сухарей. Онъ такой плотный, что, кажется, приготовлялся безъ дрожжей. Хлѣбцы имѣли круглую плоскую форму“ [2]... На существованіе печенаго хлѣба у первобытныхъ арійцевъ указываютъ слѣдующія лингвистическія данныя: греч. κλίβανος, печь для печенія хлѣба, лат. libum, готск. hlaifs, слав. хлѣбъ [3].

Употребленіе соли арійцамъ еще не было извѣстно: это очевидно отъ того, что этимологически одинаковыя названія ея ограничиваются одними европейскими языками:

---

1) Шрадеръ, ib., стр. 392—395.

2) Леббокъ, До-историческія времена, стр. 163.

3) Шрадеръ, Сравнит. языков., стр. 397.

греч. ἅλς, лат. s a l, готск. s a l t, старо-сл. соль, старо-ирланд. s a l a n n; соль не упоминается и въ Ригъ-Ведѣ.

Обычнымъ видомъ питья служило арійцамъ м о л о к о ихъ стадъ, коровъ, овецъ и козъ; уже въ очень раннее время они научились приготовлять изъ молока—с ы р ъ: на это указываетъ тожество словъ: санскр. s á r a (свернувшееся молоко), греч. ὀρόϭ, лат. s e r u m (сыворотка), старо-слав. сыръ, литов. s u r i s. Повидимому, очень рано также стали они дѣлать изъ молока что-то въ родѣ м а с л а.

Почти у всѣхъ народовъ, даже грубѣйшихъ дикарей, замѣчаетъ Ш р а д е р ъ, мы видимъ стремленіе доставлять себѣ хотя на время возможность забвенія скорбей жизни посредствомъ какого нибудь опьяняющаго напитка изъ корней, травъ, цвѣтовъ и т. п. Эта „поэзія опьяненія“ была извѣстна и первобытнымъ арійцамъ. Напитокъ, которымъ опьяняло себя первобытное человѣчество, былъ м е д ъ,— санскр. m á d h u („сладость“, „сладкое питье“, „сладкое кушанье“, позднѣе „сотовый медъ“), зендск. m a d h u („сладкое питье“), греч. μέθυ (вино; ср. μέθη—опьяненіе), старо-верхне-нѣм. m e t u, старо-слав. медъ, литов. m i d ù s, старо-ирл. m i d. Всѣ эти слова въ однихъ языкахъ имѣютъ значеніе „медъ“, преимущественно „сотовый медъ“, въ другихъ принимаютъ смыслъ „опьяненіе“: изъ этого ясно, заключаетъ Шрадеръ, что питье, которое называлось m á d h u и пр., было опьяняющее, и что главною составною частью его былъ сотовый медъ [2]). Едва ли надобно и говорить, при-

---

[1]) Ш р а д е р ъ, Сравнит. языков., стр. 397—398.

[2]) Ш р а д е р ъ, ib., стр. 399.

бавляетъ онъ, что соты меда были получаемы изъ гнѣздъ дикихъ пчелъ первобытныхъ лѣсовъ.

Уже съ самаго древнѣйшаго времени мы видимъ у арійцевъ существованіе семьи. Вопросъ объ этомъ раньше другихъ былъ обслѣдованъ М. Мюллеромъ. Указывая на значеніе корней, лежащихъ въ основаніи индо-европейскихъ семейныхъ названій, М. Мюллеръ находитъ здѣсь доказательство высокаго развитія и нравственной высоты первобытной индо-европейской семьи. „То обстоятельство, говоритъ онъ, что названіе отца (pitar) явилось уже въ эту раннюю эпоху, показываетъ, что отецъ сознавалъ свои права и обязанности въ отношеніи къ дѣтищу, рожденному его женой; слова: pitar, patar, πατήρ и др. происходятъ отъ корня, который значитъ не рождать, но охранять и питать. Отецъ, въ значеніи родителя, имѣлъ въ санскритѣ другое названіе: džanitar, — называясь pitar въ смыслѣ покровителя и питателя своихъ дѣтей. Потому въ Ведахъ эти два названія употребляются вмѣстѣ, когда нужно выразить полную идею отца... Точно также къ названію матери: matar присоединяется другое: džanitri, genitrix, т. е. родительница. Это показываетъ, что слово mâtar скоро утратило свой этимологическій смыслъ, ставъ выраженіемъ почтенія и нѣжности... Взаимныя отношенія между братомъ и сестрой въ жизни опредѣлились также уже въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ и были освящены названіями, которыя успѣли совершенно установиться, прежде чѣмъ семья арійцевъ распалась на отдѣльныя колоніи. Первоначально слово bhrâtar (братъ), кажется, значило носящій или помогающій, svâsar (сестра) — означало ту, которая нравится или утѣшаетъ, потому что

svasti въ санскритѣ значитъ радость или счастіе. Слово duhitar (дочь) также одно изъ тѣхъ, которыя должны были установиться до раздѣленія. Это—имя общее всѣмъ языкамъ, кромѣ латинскаго, и между тѣмъ только въ санскритѣ сохранилось сознаніе нарицательнаго значенія этого слова. Duhitar происходитъ отъ корня duh, который значитъ въ санскритскомъ доить... Названіе дочери доильницей раскрываетъ передъ нашими глазами цѣлую идиллію изъ поэтической и пастушеской жизни древнихъ аріевъ. Къ немногому, чѣмъ дочь до замужества могла быть полезна въ кочевомъ хозяйствѣ, относилось доеніе коровъ, и если представить себѣ, что отецъ звалъ свою дочь duhitar чаще, нежели suta, т. е. рожденная или filia, т. е. питающаяся грудью, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть пробleска нѣжности и юмора, озаряющаго даже самое первобытное состояніе общества. Но это значеніе было, вѣроятно, забыто задолго до раздѣленія аріевъ. Duhitar перестало быть ласкательнымъ эпитетомъ и сдѣлалось условнымъ терминомъ" [1]). Помимо значенія корней, лежащихъ въ основѣ индо-европейскихъ названій членовъ семьи, — на значительное развитіе у арійцевъ семейной жизни указываетъ самая многочисленность названій, общихъ всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ, для обозначенія различныхъ степеней семейнаго родства; точность различенія въ этихъ терминахъ разныхъ семейныхъ отношеній. Понятія: „отецъ", „мать", „братъ", „сестра", „сынъ", „дочь", „свекоръ", „свекровь", „зять", „сноха", „деверь", „золовка" и

[1]) М. Мюллеръ, Сравнительная миѳологія, пер. Живаго. Лѣтописи рус. лит. и древн., т. V, 1863, отд. I, стр. 21—24.

нѣк. др. имѣютъ во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ одинаковыя выраженія. М. Мюллеръ первый составилъ таблицу этихъ индо-европейскихъ названій родственныхъ отношеній, и указалъ на нее, какъ на неопровержимое доказательство высокаго уровня первобытной арійской семьи [1]). Мнѣніе М. Мюллера отчасти поддерживалъ и Бенфей [2]). Гораздо бо́льшаго вниманія, по мнѣнію Шрадера, заслуживаетъ то, что для обозначенія понятія „женитьба" въ индо-европейскихъ языкахъ существуетъ общее слово, не имѣющее чувственнаго характера и происходящее, вѣроятно, изъ первобытнаго и во всякомъ случаѣ изъ очень давняго времени. Это слово—литовск. wedu, старо-сл. ведѫ, зендск. upa-vâdhayaêta, „пусть онъ женится", санскр. vadhû, „новобрачная", и пр.; ср. греч. γυναῖκα ἄγεσθαι,

---

[1]) М. Мюллера, Сравнительная миѳологія, стр. 21. 28. Позднѣйшія изслѣдованія нѣсколько ослабили доводы М. Мюллера; оказалось напр., что многочисленность и точность различенія разныхъ родственныхъ отношеній въ индо-европейскихъ языкахъ—еще очень скудны въ сравненіи съ разнообразіемъ множества выраженій, которыми обозначаются тончайшіе оттѣнки родственныхъ отношеній у сосѣднихъ съ индо-европейцами народовъ, финно-венгерскаго и турко-татарскаго племени. Вамбери приводитъ не менѣе шестидесяти чувашскихъ названій разныхъ степеней родства, различеніе которыхъ совершенно чуждо почти всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ. Эти болѣе поздніе изслѣдователи принимаютъ выводы М. Мюллера лишь въ томъ смыслѣ, что такія общія всѣмъ индо-европейцамъ названія отношеній родства по браку, какъ «свекоръ», «сноха», «деверь» и пр., указываютъ только на самостоятельное существованіе отдѣльной семьи, на обособленность отдѣльнаго семейства отъ цѣлаго племени. См. Шрадера, Сравнит. языковѣдѣніе, стр. 415—418.

[2]) Benfey, Einleitung zu A. Ficks Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache in ihrem Bestande vor der Völkertrennung, 1868, стр. VIII.

лат. uxorem ducere [1]). Необходимо замѣтить также, что бракъ уже въ эпоху Ведъ у арійцевъ сопровождался цѣлымъ рядомъ различныхъ обрядовъ, — какъ-то: сватовство, омываніе невѣсты, соединеніе рукъ, хожденіе вокругъ жертвенника и т. п. [2]). Древнѣйшими формами брака у арійцевъ было похищеніе или покупка невѣсты; въ началѣ это было, конечно, дѣйствительнымъ похищеніемъ и дѣйствительной покупкой, но потомъ, много времени спустя, эти дѣйствія превратились только въ обряды. Предполагаютъ, что насильственное похищеніе было болѣе раннею формою, а покупка явилась впослѣдствіи, какъ выкупъ отъ мщенія и преслѣдованій родственниковъ дѣвушки.

Древняя аріянка вполнѣ принадлежала своему мужу, была его собственностью. „Я хочу быть господиномъ моей собственности; она мое помѣстье, мой домъ и дворъ, моя домашняя посуда, мое поле, моя рига, моя лошадь, мой быкъ, мой оселъ,—словомъ, все мое“: эти слова Шекспира, замѣчаетъ Шрадеръ, превосходно характеризуютъ отношеніе жены къ мужу у индо-европейцевъ [3]). Дѣйствительно, почти исключительное названіе для мужа въ Ригъ-Ведѣ — pati, означающее вообще властителя, господина, ясно характеризуетъ вполнѣ зависимое положеніе женщины къ ведійской семьѣ. Мужъ относительно жены былъ такимъ же господиномъ, какъ относительно всякой другой собствен-

---

[1]) Шрадеръ, Сравн. языковѣд., стр. 405.

[2]) Шрадеръ, ib., 305—306.

[3]) Шрадеръ, ib., стр. 410.

ности,—поля, богатства, коровъ [1]). Повидимому, мужъ имѣлъ даже право жизни и смерти надъ своею женою. Въ непосредственную связь именно съ этимъ исконнымъ отношеніемъ мужа къ женѣ изслѣдователи ставятъ древній обычай насильственной смерти жены въ случаѣ смерти мужа; обычай этотъ считаютъ старымъ индоевропейскимъ учрежденіемъ, которое „произошло изъ желанія положить съ мужчиною въ могилу все, что́ было дорого ему въ жизни" [2])... Впрочемъ, по мнѣнію другихъ изслѣдователей, обычай сожженія жены вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ—позднѣйшаго происхожденія и возникъ уже въ Индіи. Во всякомъ случаѣ, уже во времена Ригъ-Веды господствовали болѣе кроткіе нравы,—какъ показываетъ слѣдующій гимнъ, утѣшающій жену въ ея скорби по мужѣ:

Возстань, о женщина, въ свѣтъ жизни:
Отлетѣло дыханіе того, подлѣ котораго сидишь ты,
Который нѣкогда взялъ твою руку и сдѣлалъ тебя матерью;
Кончился теперь твой бракъ съ нимъ [3]).

Что жена уже въ очень ранній періодъ не стала обрѣкаться на смерть въ случаѣ смерти мужа, доказываетъ самое слово вдова, чрезвычайно древнее по своему происхожденію и означающее: „безмужняя" (отъ санскр. сложнаго слова: vi-dhavâ, vi—безъ, dhavâ—мужъ): „если бы обычай сожиганія женъ существовалъ уже въ этомъ раннемъ пе-

---

[1]) Вс. Миллеръ, Очерки арійской миѳологіи, Москва, 1876, стр. 11.

[2]) Шрадеръ, Сравнит. языковѣдѣніе, стр. 411.

[3]) М. Мюллеръ, Сравн. миѳол., стр. 30—32. Шрадеръ, ib., стр. 411.

ріодѣ, то не было бы вдовъ, т. е. безмужнихъ, ибо всѣ онѣ умирали бы вслѣдъ за своими умершими мужьями"[1]).

Древнѣйшіе памятники индо-европейскаго міра, говоритъ Шрадеръ, повсюду показываютъ почти полное отсутствіе раздѣленія труда. Въ Ригъ-Ведѣ единственный, кромѣ кузнеца, ремесленникъ по профессіи—tákshan, táshtar, соединяющій въ себѣ плотника, телѣжника и столяра. Гомеровское названіе τέκτων означаетъ даже такого ремесленника, который и каменотесъ, и плотникъ, и кораблестроитель, и телѣжникъ, и выдѣлываетъ вещи изъ рога, и токарь, и столяръ, и дѣлаетъ вещи изъ слоновой кости, и дѣлаетъ пояса и т. д. Только значительно позднѣе каждое изъ этихъ ремеслъ является самостоятельной ремесленной профессіей.

Названія для бо́льшей части металловъ, замѣчаетъ М. Мюллеръ, различны у народовъ индо-европейской семьи; не смотря на то, не можетъ быть сомнѣнія, что желѣзо и его употребленіе, какъ для обороны такъ и для нападенія, было извѣстно. Какое бы ни было его древнее арійское названіе, ясно, что санскр. ayas, лат. ahes (въ aheneus), и даже сокращенная форма aes, aeris, готск. ais, др.-вер.-нѣм. er, и англ. iron, суть названія, вылитыя по одной формѣ и испытавшія только нѣкоторыя легкія измѣненія въ теченіи столѣтій[2]). Но по мнѣнію другихъ изслѣдователей, изъ металловъ первобытнымъ арійцамъ извѣстны были только золото, вѣроятно, также мѣдь и се-

[1]) М. Мюллеръ, Сравнит. миѳол., стр. 30. G. Krek, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, стр. 17.

[2]) М. Мюллеръ, Сравн. миѳ., стр. 39.

ребро, но не желѣзо [1]). На сколько шатки данныя для рѣшенія вопроса,—видно изъ того, что Бенфей три раза мѣнялъ свое мнѣніе о параллели санскритскаго ayes, лат. aes, готск. aiz.

Первобытное ремесло прежде всего должно было имѣть своею цѣлью постройку жилища и изготовленіе одежды и обуви.

Жилищемъ древняго арійца служилъ домъ: санскр. damá, греч. δόμος, лат. domus, старосл. домъ,— у котораго была дверь: санскр. dvâ'ra, греч. θύρα, лат. fores, готск. daur, староирл. dorus,— а у двери косяки: санскр. â't a, зендск. aithya, лат. antae (косякъ двери); на верху дома была кровля — греч. στέγος, лат. tectum, старосѣв. thak, лит. stógas, кровля. Впрочемъ, трудно въ точности опредѣлить, каково было это древнѣйшее жилище, хотя очевидно, первобытные арійцы умѣли уже строить себѣ прочныя жилища, — при чемъ матеріалами служили дерево, солома, сѣно, вѣтви, а также и глина. Искусство строить каменныя зданія имъ было однако еще неизвѣстно. На существованіе уже въ первобытное время дворовъ, заборовъ около человѣческаго жилья, указываютъ такія одинаковости словъ, какъ: греч. χόρτος, лат. hortus, старо-ирландск. gort, готск. gards, литовск. gardas, старо-слав. градъ; или: греч. κῆπος, старо-верхне-нѣмецк. hof и проч.,—которыя всѣ

---

[1]) G. Krek, Einleitung in die slav. Literaturgesch., стр. 19—20. Шрадера, Сравн. языков., стр. 221—323. Ср. также статью проф. Котляревскаго: Металлы и ихъ обработка въ до-историческую эпоху у племенъ индо-европейскихъ. Древности, I, Москва, 1865, стр. 43—70.

первоначально значили: огороженный участокъ земли[1]).

Индо-европейскіе языки имѣютъ много тожественныхъ словъ въ названіяхъ телѣги, необходимѣйшей принадлежности кочеваго человѣка.

Обычной одеждой древнѣйшихъ арійцевъ служили шкуры (πελλα, pellis, готск. fill, литов. plevě) домашнихъ и и дикихъ животныхъ. Искусство дѣлать кожу мягкой и гибкою стало извѣстно очень рано; объ этомъ искусствѣ говорится уже въ Ведахъ. Кромѣ шкуръ, уже въ древнѣйшее время одеждой арійцамъ служили различныя плетенья и пряденыя издѣлія. Что первобытные арійцы знали искуство плести и вить,—это доказывается множествомъ лингвистическихъ данныхъ; ср. напр. слова: греч. πλέκω, латинск. plecto, старо-верхне-нѣмецк. flihtu, старо-слав. плєтѫ, санскр. parç (отсюда praçna—плетенка, корзина); или слова — греч. ἄτρακτος, санскр. tarkú, веретено; греч. νέω, лат. neo, прясть, старо-верхне-нѣм. nâan, шить ниткою, старо-ирл. snáthe, нитка [2]). Кромѣ того, на существованіе искусства прясть и свивать нитки указываетъ уже самое воздѣлываніе льна,—по началу своему относящееся къ эпохѣ первобытной арійской жизни (ср. греч. λίνον, лат. linum, ирланд. lîn, готск. lein, старосл. льнъ, литовск. lìnȧs). Вмѣстѣ съ возникновеніемъ умѣнья прясть, началось и ткацкое искусство; изобрѣтеніе ткацкаго станка, по мнѣнію изслѣдователей, необходимо относить уже къ до-исторической эпохѣ,—

---

[1]) М. Мюллеръ, Сравн. миѳол., стр. 34—35.

[2]) Шрадеръ, Сравн. язык., стр. 423. М. Мюллеръ, Сравн. миѳол., стр. 38—39.

доказательствомъ чему служитъ то, что „во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ уцѣлѣли очень старыя и общія названія для важнѣйшихъ частей ткацкаго станка“ [1]). Къ временамъ первобытной арійской древности должно быть отнесено и искусство дѣлать изъ овечьей шерсти войлоки; ср. греч. πῖλοσ, лат. pilleus, старо-верхне-нѣм. filz, старослав. плъсть [2]). Что касается до искусства шить, то и оно также было извѣстно первобытнымъ арійцамъ, какъ можно заключать изъ тожества словъ: санскр. siv, греч. κασσύω, лат. suo, готск. siuja, старослав. шиѭ, литов. siuwù [3]). Впрочемъ, думаютъ, что въ эпоху первобытной жизни искусство это имѣло очень незначительное примѣненіе, такъ какъ извѣстно, что и въ болѣе поздней Греціи бѣдняки часто обходились безъ бѣлья.

О существованіи у первобытныхъ арійцевъ гончарнаго искусства мы уже упоминали. Объ исконномъ существованіи у нихъ послѣдняго свидѣтельствуетъ многочисленность общихъ индо-европейскихъ названій посуды; ср. санскр. kumbhá, горшокъ, греч. κύμβοσ; санскр. gôlá (кружка), греч. γαυλός; зендск. tashta, греч. testa и мн. др. При томъ, у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ горшечное искусство по самымъ легендамъ и миѳамъ восходитъ къ отдаленной древности.

О весьма значительной высотѣ умственнаго развитія первобытныхъ арійцевъ свидѣтельствуетъ выработанная ими еще въ очень раннее время десятичная система

---

1) Шрадеръ, Сравн. языков., стр. 424—425.
2) Шрадеръ, ib., стр. 425.
3) Шрадеръ, ib., стр. 427.

счета до сотни, умѣнье считать сотнями. Понятія тысячи (санскр. sahásra, зендск. hazanra) выработано было ими уже нѣсколько позднѣе, по раздѣленіи на позднѣйшія вѣтви, европейскую и азіатскую [1]).

У первобытныхъ арійцевъ были понятія о дѣленіи времени,—при чемъ основаніемъ дѣленія служили наблюденія надъ луной и ея перемѣнами. Точнаго понятія года, говоритъ Шрадеръ, спеціально обслѣдовавшій этотъ вопросъ,—повидимому, еще не было, но по непосредственному впечатлѣнію отъ перемѣнъ въ природѣ, и тогда уже различали времена года, — снѣжную зиму (санскр. himâ, зендск. zim, zima, греч χειμών, латин. hiems и т. д.) и болѣе мягкое время, которое въ свою очередь дѣлилось, кажется, издавна на весну (лат. ver, греч. ἔαρ и проч.) и лѣто (старо-верхне-нѣм. sumar, зендск. hama, санскр. sámâ, полугодіе) [2]). Если хотѣли обозначить совокупность ихъ, то или перечисляли ихъ по порядку, или употребляли, какъ часть вмѣсто цѣлаго, названіе одного изъ нихъ, въ особенности зимы, страшной поры. Этотъ второй способъ сталъ во многихъ случаяхъ источникомъ позднѣйшихъ названій года.

Древніе арійцы имѣли довольно подробныя свѣдѣнія о своемъ тѣлѣ; были понятія о ранахъ и болѣзняхъ. Противъ послѣднихъ уже въ самое отдаленное время существовало лѣченье: многія изъ словъ, означающихъ врачъ,

---

[1]) М. Мюллеръ, Сравнит. миѳологія, стр. 42—45. Шрадеръ, Сравнит. языковѣдѣніе, стр. 98. 434.

[2]) Шрадера, Die älteste Zeittheilung des indogermanischen Volkes. Berlin, 1878. Его же, Сравнит. языковѣдѣніе, стр. 59—60.

восходятъ къ самой первобытной древности. Болѣзни считались дѣломъ злыхъ духовъ [1]).

Чѣмъ былъ мужъ въ своемъ домѣ, т. е. господиномъ, сильнымъ покровителемъ [2]), говоритъ М. Мюллеръ, тѣмъ самымъ былъ царь для цѣлаго народа. Общее названіе народа въ санскритѣ было vis (отсюда названіе третьей касты домовладѣльцевъ—ваисіи). Оно происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли санскр. vesha, домъ, греч. *οἶκος*, лат. vicus, готск. veihs, герм. wich и др. Потому въ санскритѣ vishpati значило царь, т. е. владыка народа; это сложное слово было въ общемъ употребленіи у арійцевъ до ихъ раздѣленія, что̀ подтверждается литовскими формами: wiêsz-patis, господинъ, wiesz-patene, госпожа, которыя прямо указываютъ на санскр. wish-patis и patnî. На основаніи этихъ и подобныхъ лигвистическій соображеній, М. Мюллеръ заключаетъ, „что въ этотъ ранній періодъ не только была благоустроенная семейная жизнь, но семья начинала уже поглощаться государствомъ“ [3])... Болѣе поздніе изслѣдователи однако затрудняются въ точности опредѣлить, на сколько развилось изъ прочнаго семейнаго союза въ первобытное индо-европейское время понятіе государственнаго единства. Несомнѣнно, говоритъ Шрадеръ, въ индо-европейскомъ словарѣ есть общія выраженія, относящіяся къ этому понятію; напр. первобытно-италійское touta (civitas) = готск. thiuda, санскритское vêcá = греч.

---

[1]) Шрадера, Сравнит. языковѣд., стр. 434—436.

[2]) Pati въ санскритѣ первоначально значило: сильный, крѣпкій, могучій, подобно латинскому potis или potens.

[3]) М. Мюллеръ, Сравнит. миѳол., стр. 33.

οἶκος, лат. vicus, старосл. вьсь, готск. veihs (ср. санскр. víç=зендск. vîs), старослав. плъкъ=литовск. pulkas, старо-верхне-нѣм. folc—и другія слова, показывающія существованіе союзовъ болѣе широкихъ, чѣмъ семейный. Но смыслъ этихъ тожественныхъ словъ въ разныхъ языкахъ до такой степени неодинаковъ, что собственно лингвистическое изслѣдованіе не даетъ здѣсь никакихъ результатовъ. Вообще же ни одинъ изъ индо-европейскихъ народовъ не вступилъ въ исторію соединеннымъ въ политическій союзъ. Повсюду мы встрѣчаемъ бо́льшее или меньшее число племенъ, нерѣдко враждующихъ между собою, и лишь мало по малу соединяющихся въ болѣе обширныя политическія единства подъ общими племенами [1]). Вообще мнѣнія ученыхъ относительно этого различны. По мнѣнію Бенфея, напр., первобытные арійцы управлялись „князьями", жены которыхъ назывались „княгинями" и имѣли участіе въ почестяхъ княжескаго сана. Но Whitney не находитъ еще никакихъ слѣдовъ развитія собственно государственнаго быта. „Первобытный индо-европейскій народъ, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія, распадался на безсвязное множество мелкихъ племенъ, жившихъ подъ властью не князей, а старшинъ и дружинныхъ вождей, и учрежденія ихъ были патріархальныя" [2]).

По изслѣдованіямъ М. Мюллера, Бенфея, Whitney, первобытные арійцы владѣли зачатками искусствъ,—„рисовали, имѣли поэзію",—пѣсни метрической формы. Въ своихъ выводахъ изслѣдователи основывались на такихъ лингвистическихъ данныхъ, какъ санскр. sumná („гимнъ")=

---

[1]) Шрадеръ, Сравнит. языковѣд., стр. 418. 206.

[2]) Шрадеръ, Сравнит. языков., стр. 38.

греч. ὕμνος, или санскр. pada, метрическая единица, четверть стиха, зендск. padha, pad слово, пѣніе, греч. πούς, стопа стиха, метрическая единица, англо-саксонск. fit, пѣніе, пѣсня. Любопытны спеціальныя изслѣдованія Westphal'я и Kuhn'a, посвященныя этому вопросу. Westphal задался вопросомъ — о характерѣ самого метра, и пришелъ къ выводу, что древнѣйшая индо-европейская поэзія была чисто силлабической; она сохранилась въ первобытномъ видѣ въ метрахъ *Авесты*, отражается и въ гимнахъ *Ведъ.* [1]) Кунъ идетъ дальше. Онъ старается прослѣдить цѣлыя формулы до начальныхъ временъ индо-европейской поэзіи. Въ результатѣ своихъ изслѣдованій, онъ различаетъ два вида остатковъ древнѣйшей поэзіи: во первыхъ, загадки, относящіяся къ небеснымъ предметамъ, сотворенію міра и т. п., и во вторыхъ формулы заклинаній, для изгнанія болѣзней и злыхъ чаръ [2]).

Религіозныя вѣрованія арійцевъ сосредоточивались на обоготвореніи природы и ея явленій. Всѣ имена индо-европейскихъ божествъ, замѣчаетъ Шрадеръ, которыя можно съ достовѣрностью возводить къ первобытному времени, заимствованы отъ названій силъ природы; о томъ, что въ первобытное время связь между явленіемъ и чтимымъ въ явленіи существомъ была чрезвычайно тѣсная, неопровержимо свидѣтельствуютъ многочисленныя черты, сохраненныя въ миѳологіяхъ отдѣльныхъ народовъ древнѣй-

---

[1]) Westphal, Zur vergleichenden Metric der indogerm. Völker. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Deutschen, Griechischen und Lateinischen, IX, 437—458. Шрадеръ, Сравн. языков, 40.

[2]) Zeitschritt и пр, XIII, 49 sqq. Шрадеръ,—ib, стр. 41.

шими образами божествъ,—уцѣлѣвшіе отголоски ихъ происхожденія изъ природы и ея явленій.

Больше всего привлекало къ себѣ почитаніе первобытныхъ арійцевъ небо. Въ Ведахъ „небо“ и „богъ неба“ — выражаются еще однимъ и тѣмъ же словомъ: dyâus, которому соотвѣтствуетъ греч. ζεύς, лат. deus, герм. tiu, zio (во всѣхъ - корень div, сіять). Однимъ изъ безчисленныхъ эпитетовъ, которые давались богу неба, было „облекатель“: санскр. váruna, греч. οὐρανός, слав. сварогъ, — отъ корня var, облекать. Другимъ эпитетомъ неба было bhaga, „надѣлитель благами“. Въ Ведахъ слово bhaga употребляется очень часто и въ смыслѣ только эпитета, въ Авестѣ bagha уже прямо значитъ „богъ“. Отъ bhaga—слав. слово богъ.

Наступленіе дня предвѣщается сіяющею утреннею зарею: санскр. ushás, зендск. ushanh, греч. ἠώς, лат. aurora, литов. auszrà,—отъ корня us, горѣть. Появленіе утренней зари поэтически описывается въ Ригъ-Ведѣ: „Отъ востока свѣтитъ намъ ushas (дѣва); она гонитъ цѣлый рядъ красныхъ коровъ. Уже свѣтаетъ. Идетъ къ побѣдѣ свѣтъ, и въ каждомъ домѣ разводится огонь“... Огонь домашній так. образ. уже очень рано сближался съ огнемъ небеснымъ, съ зарей. Огонь домашняго очага во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ имѣетъ тожественное названіе: санскр. agní, лат. ignis, литов. ugnís, старо-слав. огнь.

Завывающая буря, являющаяся передъ грозою, представлялась первобытному человѣку „вѣстницей“ отъ неба къ людямъ: ср. санскр. saramâ (вѣстница Индры), saráyu (вѣтеръ)=греч. ἑρμείας, ἑρμῆς, вѣстникъ Зевса, и др. Самое

же явленіе грозы означалось въ санскритѣ словомъ parjányа (богъ дождя и грома),—лит. perkunas, слав. перунъ.

По общему древнѣйшему вѣрованію арійцевъ, существуетъ прекрасная страна блаженныхъ. Эта страна помѣщалась на небѣ; млечный путь считался дорогою, по которой умершіе переходятъ въ свое новое отечество (въ Ригъ-Ведѣ млечный путь называется „стезею боговъ", — „пойти стезею боговъ" значитъ умереть).

О религіозныхъ обрядахъ первобытнаго времени почти ничего не извѣстно. Какъ во времена Ведъ, такъ, вѣроятно, и въ первобытное время, замѣчаетъ Шрадеръ,—pater familias былъ владыкою, судьею и вмѣстѣ жрецомъ. Боговъ чтили въ явленіяхъ, въ которыхъ видѣли ихъ, — въ грохотѣ грома, въ пыланіи огня, въ шумѣ дуба [1]).

Переходимъ къ языку арійцевъ,—изученіе котораго и служитъ единственнымъ средствомъ къ возстановленію ихъ культуры. По мнѣнію изслѣдователей, языкъ первобытныхъ арійцевъ прошелъ вообще довольно длинный путь развитія. Въ древнѣйшемъ періодѣ своей жизни, первобытный арійскій языкъ состоялъ изъ чистыхъ, неизмѣняемыхъ, односложныхъ корней, — которые, въ этомъ самомъ видѣ, были вмѣстѣ и словами. Отношеніе, ближайшее опредѣленіе значенія, черезъ которое корень дѣлается темой и потомъ глаголомъ или именемъ, и черезъ которое глаголамъ даются времена, наклоненія и лица, а имени—числа и падежи, еще не выражалось звуками. Какой нибудь корень, напр. *i*, могъ стоять какъ тамъ, гдѣ нынѣ мы употребляемъ глаголъ идти, хо-

---

[1]) Шрадеръ, Сравнит. языковѣдѣніе, стр. 457—467. 468.

дить, въ какой либо формѣ, такъ равно и тамъ, гдѣ мы ставимъ имя, напр. ходъ, идущій, шедшій; корень *vark* означалъ какъ рвать, такъ и рвущаго звѣря, волка; *vark i* одинаково могло означать какъ рвать идти, такъ и волкъ идетъ или шелъ, или пойдетъ, также и ходъ волка. Какое именно отношеніе надобно было уразумѣть въ данномъ случаѣ, слышавшій долженъ былъ угадывать по связи рѣчи и по обстоятельствамъ, при которыхъ происходилъ разговоръ [1]... Въ болѣе позднемъ періодѣ первобытный индо-европейскій языкъ достигъ уже полнаго фонетическаго и этимологическаго развитія. Его фонетика является очень богатой. Она заключала въ себѣ до девяти гласныхъ звуковъ и весьма большое количество согласныхъ. Не менѣе развита была и этимологія. Отношеніе между корнемъ и логическими категоріями выражалось соотвѣтственными измѣненіями самаго корня. На этой ступеразвитія мы видимъ въ языкѣ склоненія, съ тремя числами и семью падежами, и три рода. Въ спряженіи — дѣйств. и средній залоги; послѣдній употреблялся то въ смыслѣ возвратнаго, то въ смыслѣ страдательнаго: особенной формы для страдательнаго залога въ языкѣ, повидимому, не выработалось. Возникло четыре наклоненія— изъявительное, повелительное, сослагательное и желательное и пять формъ для выраженія времени — формы настоящаго, прошед-

---

[1] А. Шлейхеръ, Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ. Спб., 1865, стр. 30—31.

шаго несовершеннаго, простаго аориста, сложнаго аориста и будущаго [1]).

---

[1]) Первую попытку къ возстановленію, на основаніе фактовъ языка, первобытной арійской культуры сдѣлалъ Кунъ въ своей небольшой статьѣ: *„Къ древнѣйшей исторіи индо-европейскихъ народовъ“*, напечатанной въ 1845 году. На основаніи лингвистическихъ сравненій, Кунъ доказываетъ здѣсь,—что «въ первобытныя времена была уже развита правильная семейная жизнь», что первобытные арійцы вели пастушескій образъ жизни, хотя были уже зачатки и земледѣлія, что имущество въ скотѣ и пищѣ у нихъ „вообще имѣло тотъ же составъ, что и нынѣ“,—что первобытные арійцы, по крайней мѣрѣ отдѣльныя ихъ племена, вели уже осѣдлую жизнь—имѣли дома и дворцы, жилища, деревни и города и т. д. Эпоху въ изученіи первобытной арійской культуры сдѣлало обширное изслѣдованіе Pictét: *Les origines Jndo-européenes ou les Aryas primitifs, essai de paléontologie linguistique (Paris, 1859—1863)*. Авторъ свелъ въ систему весь накопившійся до того времени матеріалъ по этому вопросу и на основаніи всего сдѣланнаго постарался представить полный очеркъ первобытной индоевропейской цивилизаціи. Изслѣдованіе распадается на пять книгъ: первая содержитъ въ себѣ географическія и этнографическія изысканія; вторая говоритъ о естественной исторіи индо-европейской древности, о минералахъ, растеніяхъ, животныхъ; третья—о матеріальной цивилизаціи первобытныхъ арійцевъ, четвертая — о ихъ общественныхъ отношеніяхъ, пятая — о ихъ умственной, нравственной и религіозной жизни. Родиной индо - европейцевъ Пикте считаетъ древнюю Бактрію, и это рѣшеніе географическаго вопроса становится для него основаніемъ другихъ выводовъ. Трудъ Пикте остается до сихъ поръ чрезвычайно важнымъ, какъ сводъ лингвистическаго матеріала; къ сожалѣнію, своду этому нерѣдко недостаетъ строгой критики. Главнымъ правиломъ изслѣдованій Пикте было то, чтобы—начинать всегда санскритскимъ словомъ, если оно существуетъ, чтобы черезъ него придти къ возстановленію первобытной формы или открыть его вѣроятную этимологію. Но Пикте при этомъ нерѣдко впадалъ въ существенныя ошибки: онъ не всегда обращалъ вниманіе на то, что санскритская группа языковъ—имѣла свою исторію, подвергалась перемѣнамъ, и что, въ частности, значеніе санскритскихъ словъ развивалось. «Пикте ни мало не заботился о томъ, говоритъ Веберъ въ своей рецензіи на эту книгу,—какому времени принадлежитъ данное слово,

По мнѣнію М. Мюллера, арійцы долго жили въ глубокомъ спокойствіи. „Потому не только греческій и латин-

---

старое оно или новое, или даже о томъ, достовѣрно ли существованіе этого слова, первоначальное ли его значеніе то, въ какомъ онъ пользуется имъ, или придано этому слову какимъ нибудь фигуральнымъ, символическимъ или миѳологическимъ способомъ въ какую нибудь позднюю эпоху трех-тысячелѣтняго существованія индійской литературы, или, быть можетъ, оно изобрѣтено схоліастами въ объясненіе чему нибудь другому». Не смотря на сильныя критическія возраженія, книга Пикте имѣла необыкновенный успѣхъ и воззрѣнія его были приняты большинствомъ ученыхъ. Труды Ленормана, Ружмона, Юсти и мн. др. написаны подъ непосредственнымъ его вліяніемъ. Извѣстное значеніе трудъ Пикте сохраняетъ и до сихъ поръ. Но въ настоящее время первое мѣсто по изученію древнѣйшей арійской культуры принадлежитъ уже трудамъ М. Мюллера, W. Whitney и Бенфея. Совершенно изолированно отъ нихъ стоитъ болѣе поздняя книга Гена: *Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію и Италію, а также и въ остальную Европу* (Hehn, *Culturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang von Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. Historisch-linguistische Skizzen. Berlin, 1870)*. Въ своихъ выводахъ авторъ во многомъ радикально расходится съ только что названными его предшественниками. Выводы эти онъ основываетъ глав. образ. не на лингвистическихъ сравненіяхъ, а на многочисленныхъ, хотя и отрывочныхъ, извѣстіяхъ,—о нравахъ, обычаяхъ, языкѣ, исторіи древнѣйшихъ кельтовъ, германцевъ и славянъ, дошедшихъ до насъ въ сочиненіяхъ писателей древняго времени и среднихъ вѣковъ, и уже полученныя отсюда данныя подкрѣпляетъ лингвистикой. Изслѣдованіе особенно важно по отношенію къ методу. Авторъ указываетъ на двѣ, могущія быть здѣсь, коренныя погрѣшности: это, во первыхъ, соединеніе съ старыми словами новыхъ культурныхъ понятій, и во вторыхъ—недостаточное разграниченіе въ языкѣ собственныхъ словъ отъ заимствованныхъ. «Кто соединяетъ—замѣчаетъ онъ—съ старыми словами новыя культурныя понятія, тотъ, разумѣется, безъ труда найдетъ и во время самыхъ начинаній нашу нынѣшнюю жизнь. Греч. слово *αἴξ*, *αἰγοσ*, «коза»—находится, продолжаетъ онъ, и въ санскритѣ и въ латинскомъ языкѣ, восходитъ такимъ образомъ къ временамъ болѣе раннимъ, чѣмъ разселеніе индо-европейцевъ. Но изъ того еще не мало не слѣдуетъ, что первобытные индо-европейцы имѣли ее у себя домашнимъ животнымъ. Они могли называть прыгающее животное, за которымъ охотились, именемъ, которое позднѣе, когда

скій, но и всѣ арійскіе языки имѣютъ одинаковыя слова для мирныхъ понятій, и всѣ такимъ страннымъ образомъ рас-

---

они ознакомились съ прирученною козою, перешло на нее,—возможность, о которой должны были бы по чаще вспоминать въ подобныхъ случаяхъ тѣ, которые такъ увѣренно дѣлаютъ изъ существованія одинаковыхъ словъ выводы о культурѣ первобытнаго времени»... Тоже самое бываетъ, продолжаетъ Генъ, когда въ старинные глагольные корни, которые своею одинаковостью въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ свидѣтельствуютъ, повидимому, о существованіи какого нибудь техническаго искусства въ первобытное время,—влагаютъ смыслъ, какой они имѣли только въ болѣе поздніе времена. Несравненно бо́льшую роль, чѣмъ предшествовавшіе изслѣдователи, отводитъ Генъ заимствованію словъ. По мнѣнію Гена, одинаковость культурныхъ словъ, ограничивающаяся европейскими языками, и считавшаяся предшествовавшими изслѣдователями достаточною для признанія ихъ принадлежащими періоду, когда всѣ европейскіе арійцы были еще однимъ народомъ, — могла произойти другимъ способомъ: послѣ того, какъ европейскіе народы разселились въ разныя мѣстности, у котораго нибудь изъ нихъ корень, имѣвшій прежде широкій смыслъ, сталъ употребляться въ какомъ нибудь болѣе опредѣленномъ значеніи, и съ этимъ значеніемъ оно перешло къ другимъ народамъ. Постоянно опасаясь, при своихъ изслѣдованіяхъ, впасть въ эти двѣ впервые выдвинутыя на видъ погрѣшности,—Генъ едвали своею излишней осторожностью не впадаетъ въ другую крайность и не отнимаетъ у первобытныхъ арійцевъ многое и изъ того, чѣмъ они дѣйствительно владѣли. Во всякомъ случаѣ, картина первобытнаго времени, которую рисуетъ Генъ, гораздо ниже той, какую мы видѣли у его предшественниковъ. Передъ нами—мрачная эпоха человѣка-звѣря, который ведетъ пастушескій образъ жизни и которому «еще совершенно чужды обычаи земледѣлія», жилищемъ для котораго «зимой служитъ выкопанныя въ землѣ яма, покрытая сверху дерновою кровлею или навозомъ, а лѣтомъ сама же его телѣга, или, въ лѣсной мѣстности, шалашъ изъ жердей и плетня, похожій на палатку»,—образъ мыслей этого пожирающаго чуть не сырое мясо пастушескаго народа кровавый, свирѣпый, исполненный суевѣрія, руководимый колдовствомъ. Силы природы еще не приняли человѣческаго вида и еще безличны и т. д Крайности выводовъ Гена были тогда же замѣчены критикой,—которая справедливо указывала, чтоГенъ «часто упускаетъ изъ виду санскритъ», что онъ «вообще несправедливъ къ индо-европейцамъ» и утрируетъ ту несомнѣнно вѣрную мысль,

ходятся между собою въ военныхъ выраженіяхъ. Такъ домашнія животныя извѣстны и въ Англій и въ Индіи вообще

что многое, кажущееся теперь общимъ достояніемъ, было заимствованіемъ. Шрадеръ снисходительнѣе другихъ относится къ Гену, но и онъ соглашается, что при изысканіяхъ, съ Геномъ иногда случается то же, что такъ часто бываетъ съ лингвистами, предпринимающими этнологическія изслѣдованія: «они нанизываютъ цѣлый рядъ самыхъ важныхъ и широкихъ этнологическихъ результатовъ на тонкую нитку исторіи одного слова, не могущую вынести тяжести такихъ выводовъ». Шрадеръ соглашается, что «вліяніе книги Гена еще незамѣтно въ послѣдующихъ трудахъ по лингвистической палеонтологіи». Дѣйствительно, большинство изслѣдователей первобытной культуры не приняли выводовъ Гена. Куно, Фикъ и Бенфей высказались рѣшительно противъ книги Гена. Послѣдній даже выставилъ противъ самаго метода Гена совершенно новое возраженіе: въ противоположность Гену, который лингвистическимъ комбинаціямъ предпочитаетъ древнѣйшія историческія извѣстія о первобытной культурѣ, — Бенфей выставляетъ на видъ то обстоятельство что, историческія данныя о начальныхъ временахъ исторіи отдѣльныхъ народовъ не могутъ ничего доказывать относительно первобытной эпохи, отдѣленной отъ этихъ вѣковъ сотнями, если не тысячами лѣтъ, т. е. такимъ періодомъ, въ продолженіи котораго утрата стараго культурнаго капитала и пріобрѣтеніе новаго могли произвести полный переворотъ во всемъ. Бенфей особенно настаиваетъ на возможности утраты прежняго культурнаго достоянія. «Кому кажется, говоритъ онъ, что мнѣніе о сравнительной высотѣ первобытной культуры опровергается тѣмъ фактомъ, что мы видимъ индо-европейцевъ, при началѣ ихъ исторіи, на уровнѣ культуры невысокомъ сравнительно съ прежнимъ, тотъ пусть подумаетъ, чрезъ какія негостепріимныя земли должны были идти они по своемъ отдѣленіи отъ остальнаго народа, какую борьбу должны были они выдерживать, пока пріобрѣли себѣ новую прочную осѣдлость. Естественно предполагать, что они чрезъ это должны были потерять многое изъ запаса культуры, съ которымъ двинулись въ путь. О нѣкоторыхъ изъ этихъ утратъ ясно свидѣтельствуютъ языки». Такъ, изъ сравненія греч. χίλιοι—приводитъ Бенфей примѣръ такого ниспаденія съ прежней, болѣе высокой, ступени цивилизаціи — съ санскр. sa-hásra видно, что понятіе «тысяча» ужъ было у первобытнаго народа. Но тѣ индо-европейскіе народы, которые утратили слово, выражающее это понятіе, «впали по своемъ отдѣленіи въ такія состоянія, въ которыхъ они рѣдко имѣли

подъ одинаковыми именами, а имена дикихъ животныхъ различны даже въ греческомъ и латинскомъ“ [1]).

Съ незапамятныхъ вѣковъ, арійское племя стало разселяться изъ своей азіатской прародины и переходить въ Европу; путь, по которому совершалось постепенное выдѣленіе арійскихъ племенъ, былъ путь съ востока на западъ.

Существуютъ различныя мнѣнія о той послѣдовательности, въ какой совершалось это выдѣленіе. Здѣсь могутъ быть лишь предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя. Единственной почвой для рѣшенія вопроса служатъ лингвистическія данныя,—наблюденіе относительной близости или отдаленности между собою различныхъ, исторически извѣстныхъ, арійскихъ языковъ и нарѣчій. Изслѣдователи однако признаютъ, что послѣдовательное проведеніе этого пріема представляетъ многоразличныя трудности, до сихъ поръ непобѣжденныя наукой,—такъ какъ „во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ арійскихъ языковъ представляется множество случаевъ сходства и несходства, на основаніи которыхъ возможенъ цѣлый рядъ различныхъ комбинацій“ [2]).

надобность употреблять это числительное, или напослѣдокъ и вовсе не имѣли ея, такъ что старое слово совсѣмъ утратилось изъ ихъ памяти». См. подробнѣе въ книгѣ Шрадера, Сравнит. языковѣдѣніе, и пр. стр. 22—159. О первобытномъ языкѣ арійцевъ см: А. Шлейхеръ, ib, стр. 33—40. Его же, Compendium der vergleischenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Weimar, 1871. G. Krek, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, стр. 9—14. Шрадеръ, Сравнит. языков, стр. 439—456.

[1]) Ср. G. Krek, Einleitung in die Slav. Literaturgeschichte, стр. 18.

[2]) Пыпинъ, Древн. пер. рус. литерат. и образованности. Вѣстн. Евр., 1875, кн XI, стр. 112—113. G. Krek, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, стр. 23.

Относительно этого пока въ наукѣ господствующими остаются двѣ теоріи; представителемъ одной можетъ быть названъ А. Шлейхеръ, другой—М. Мюллеръ.

Степень относительной древности выдѣленія арійскихъ племенъ и языковъ Шлейхеръ опредѣляетъ слѣдующими двумя, основными для его теоріи, критеріями: a) чѣмъ восточнѣе живетъ индо-европейскій народъ, тѣмъ больше стараго сохранилось въ его языкѣ; чѣмъ западнѣе, тѣмъ меньше стараго и больше новаго содержитъ въ себѣ его языкъ, и b) чѣмъ западнѣе страна языка или народа, тѣмъ раньше оторвался онъ отъ первобытнаго корня. Опираясь на эти принципы, теорія признаетъ преимущество древности за языками азіатскими, старо-индійскимъ и иранскимъ (азіатскій отдѣлъ), въ противоположность европейскому отдѣлу арійскихъ языковъ,—языкамъ кельтскому, италійскому, греческому (южно-европейскій отдѣлъ), — германскому, литовскому и славянскому (сѣверо-восточный отдѣлъ). Языкъ германо-литовско-славянскій, (сѣверо-восточный отдѣлъ) арійскихъ языковъ по теоріи, раньше всѣхъ отдѣлился отъ общаго первобытнаго языка и выселился изъ Азіи въ Европу; за нимъ слѣдовалъ отдѣлъ южно-европейскій (греко-итало-кельтскій); азіатскіе же языки (индо-иранскіе) всего дольше оставались въ первобытныхъ жилищахъ и вслѣдствіе этого всего больше сохранили въ себѣ элементовъ древнѣйшаго первобытнаго языка.

Такимъ образомъ, по теоріи Шлейхера, семья европейскихъ языковъ прежде всего распалась на двѣ основныя вѣтви—азіатскую и европейскую. Азіатская группа распалась на индійскую и персидскую,

соотвѣтственно двумъ народамъ, на которыхъ раздѣлились позднѣйшіе арійцы; европейская — на южно-европейскую и сѣверо-европейскую.

Древнѣйшимъ языкомъ индійской фамиліи является извѣстный санскритъ, играющій такую важную роль въ сравнительномъ языкознаніи и замѣчательный какъ по глубокой древности своихъ памятниковъ [1]), такъ и по чистотѣ и первичности своихъ формъ. Санскритъ—священная рѣчь брахмановъ — сохранился въ двухъ, довольно различныхъ языкахъ: языкѣ ведическомъ, древнѣйшемъ образцѣ арійской рѣчи въ Индіи, и языкѣ собственно санскритскомъ, болѣе позднемъ и болѣе искусственномъ (sanskrita значитъ украшенный, собственно —„изящная рѣчь"). Послѣдній, замѣчаетъ Шлейхеръ, гораздо меньше имѣетъ значенія для науки, чѣмъ основной индійскій языкъ, сохранившійся въ *Ведахъ* и бывшій нѣкогда и въ живомъ народномъ употребленіи. Изъ основнаго древне-индійскаго (ведическаго) языка развились позднѣйшіе индійскіе языки,—прежде всего языкъ пали и другіе пракритскіе языки (prâkrita значитъ естественный, — „обыденный"), а потомъ нынѣшнія ново-индійскія нарѣчія арійскаго происхожденія [2]). Братомъ-близнецомъ индійскому былъ языкъ иранскій, представители котораго: древне-бактрійскій, языкъ древней Бактріи и священныхъ

[1]) *Веды*, по мнѣнію ученыхъ, своимъ происхожденіемъ относятся къ періоду за 1500—1800 лѣтъ до Р. Х.

[2]) Между языками ново-индійскими, наиболѣе распространеннымъ является языкъ индустанскій, восходящій до XI в. по Р. Х.; кромѣ него, новыхъ индійскихъ нарѣчій насчитывается еще около 24-хъ,—между которыми находится и извѣстный языкъ цыганскій.

книгъ персовъ *Зенд-Авесты,* и древне-персидскій, памятники котораго сохранились въ персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ V—VI вв. Позднѣйшіе иранскіе языки—гузварешъ и парси и нынѣ существующіе ново-иранскіе, персидскій, оссетинскій и др. Къ иранской фамиліи Шлейхеръ относитъ также языкъ армянскій,—отдѣлившійся, по его мнѣнію, еще въ давнія времена отъ основнаго иранскаго языка.

Южно-европейскій отдѣлъ арійскихъ языковъ выдѣлилъ изъ себя языкъ греческій и итало-кельтскій,—распавшійся позднѣе на италійскій и кельтскій. Греческій языкъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ формами языковъ индо-европейскихъ, съ итало-кельтскимъ имѣетъ ближайшее родство [1]). Главный представитель кельтической фамиліи—языкъ старо-ирландскій, извѣстный съ VIII в. по Р. Х., италійской фамиліи—языкъ латинскій [2]). Братомъ послѣдняго былъ языкъ осскій или самнитскій,

---

[1]) Греческій языкъ уже очень рано раздѣлился на три нарѣчія: эолійское, дорійское и іонійское. Къ іонійскому нарѣчію принадлежитъ также аттическое. Съ III в. до Р. Х. аттическое нарѣчіе получило значеніе общаго греческаго языка. Позднѣе, когда греческая наука переселилась въ Александрію—образовалось александрійское нарѣчіе, которое получило довольно значительное распространеніе, какъ языкъ LXX-ти толковниковъ. Со взятія Византіи турками, древній греческій языкъ въ живомъ говорѣ окончательно уступаетъ простонародному нарѣчію,—языку ново-греческому или ромейскому. Ср. Котляревскій, *Сравнительное языкознаніе.* Филол. Зап. 1863, вып., V.

[2]) Первоначальною областью его была небольшая часть Лаціума, на западѣ средней Италіи, но къ I в. до Р. Х. онъ почти исключительно господствуетъ по всей Италіи. Эпохою высшаго его процвѣтанія было время отъ III до I в. до Р. Х.; послѣ этого онъ постепенно приходитъ въ упадокъ, и съ VI вѣка перестаетъ быть

литература котораго къ сожалѣнію погибла; нѣсколько дальше отъ латинскаго стоялъ языкъ умбрійскій [1]). Кельтическіе и италійскіе языки обнаруживаютъ между собою, столь близкое сходство, что могутъ считаться „близнецами", — какъ славянскій съ литовскимъ: одну и ту же надпись знатоки этихъ языковъ принимали то за кельтскую, то за италійскую.

Сѣверо-европейскій отдѣлъ арійскихъ языковъ далъ начало языкамъ нѣмецкому, литовскому и славянскому.

Первое мѣсто въ средѣ нѣмецкихъ языковъ принадлежитъ языку готскому, значительно превосходящему древностью всѣ другіе нѣмецкіе языки. Языкъ этотъ сохранился въ отрывкахъ *готскаго перевода Библіи* еп. Ульфилы

языкомъ народа, дѣлаясь языкомъ ученыхъ; съ этимъ значеніемъ онъ остается и во все продолженіе Среднихъ Вѣковъ. Съ V—VII вв. книжная латынь быстро уступаетъ, въ живомъ народномъ говорѣ, новымъ живымъ языкамъ,—романскимъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ итальянскій, съ XIII в. дѣлающійся языкомъ литературнымъ. Памятники языка испанскаго, занявшаго бóльшую частьПиринейскаго п-ова, восходятъ къ половинѣ XII в. Отдѣльной вѣтвью испанскаго является языкъ португальскій. Провансальскій языкъ (langue d'oc), по памятникамъ своимъ восходящій до X вѣка, въ живомъ говорѣ возникъ гораздо раньше на югѣ теперешней Франціи; вся же сѣверная половина ея, можетъ быть, уже съ VI в. говорила языкомъ французскимъ (langue d'oil), памятники котораго относятся къ IX—X вѣку. Къ романскимъ языкамъ принадлежитъ также языкъ валашскій или румынскій, употребляемый въ нынѣшней Румыніи. Ср. Котляревскаго, ib, вып. V.

[1]) Умбрійское нарѣчіе господствовало на сѣверо-востокѣ отъ Лаціума. Очень близко къ умбрійскому стояло нарѣчіе вольское, дошедшее до насъ въ небольшихъ отрывкахъ.

(род. въ 311 г., † 380 — 381 г. по Р. X.). За готскимъ слѣдуютъ нарѣчія верхне-нѣмецкое, нижне-нѣмецкое и сѣверное. Древній верхне-нѣмецкій языкъ извѣстенъ въ нарѣчіяхъ франкскомъ, аллеманскомъ и швабскомъ, возникшихъ въ періодъ отъ VII до конца XI ст. За тѣмъ мало по малу появляется средній верхне-нѣмецкій, языкъ богатой литературы, возникшей около половины XIII в. — Нижне-нѣмецкій раздѣлился на фризскій и саксонскій; послѣдній рано распался на древне-саксонскій[1]) и англо-саксонскій. Отъ древне-саксонскаго произошли нынѣшнія нижне-нѣмецкія нарѣчія (plattdeutsch). Съ древне-саксонскимъ, предполагаютъ, было сходно въ своихъ древнѣйшихъ формахъ нарѣчіе нидерландское (голландское и фламандское). Англо-саксонскій языкъ, перенесенный въ Англію и смѣшавшись съ французскимъ, мало по малу перешелъ въ нынѣшній англійскій. — Сѣверная вѣтвь нѣмецкаго языка стоитъ какъ бы совершенно отдѣльно. Лучше всего она сохранилась въ древне-скандинавскомъ, въ пѣсняхъ древней *Эдды*, отдѣльныя части которой могутъ быть относимы къ VIII—IX вѣку. Къ древне-сѣверному нарѣчію съ одной стороны примыкаетъ нарѣчіе шведское, съ другой—датское, съ норвежскимъ и исландскимъ.

Литовскій языкъ стоитъ въ тѣсной связи съ славянскимъ и распадается на три вѣтви: а) литовскую въ собств. смыслѣ, подраздѣляющуюся на верхне-литов-

---

[1]) Древнѣйшій памятникъ его, поэма «*Heliand*» (*Спаситель*), принадлежитъ къ IX вѣку.

скую и нижне-литовскую, земаитскую (древнѣйшій памятникъ—*Катехизисъ*, 1547 г.), b) древне-прусскую и c) летскую или латышскую. По первобытной чистотѣ формъ, литовскій языкъ представляетъ предметъ высокой важности для сравнительной лингвистики и въ особенности для славянской.

Славянская семья языковъ, какъ по своей географіи, такъ и по внутреннимъ лингвистическимъ признакамъ, распадается на три вѣтви: a) юго-восточную, къ которой принадлежитъ языкъ русскій съ своими нарѣчіями, великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ и множествомъ подрѣчій; b) юго-западную, т. е. языкъ старо-славянскій (древне-болгарскій) ново-болгарскій, сербскій, хорватскій и хорутанскій, и c) сѣверо-западную, къ которой принадлежатъ нарѣчіе полабское, языкъ польскій (съ подрѣчіями), лужицкій (верхне-и нижне-лужицкій), чешскій (съ подрѣч. моравскимъ) и угро-словенскій (словацкій).

Въ частности, въ отношеніи къ языку славянскому, изслѣдователь отмѣчаетъ слѣдующіе пять періодовъ въ его древнѣйшей исторіи. Въ первомъ—славянскій языкъ существуетъ, такъ сказать, только въ возможности, нераздѣльно съ древнѣйшимъ индо-европейскимъ пра-языкомъ, но не какъ его нарѣчіе, а какъ составной элементъ общаго языка, въ природѣ котораго лежала возможность будущаго раздѣленія на многія нарѣчія, — славянское, литовское, нѣмецкое и т. д. Въ этомъ пра-языкѣ не было еще ничего славянскаго, ничего литовскаго, нѣмецкаго, кельтскаго и т. д., — были одни общіе всѣмъ имъ элементы, предъопредѣлявшіе ихъ позднѣй-

шее индивидуальное развитіе. Этотъ древнѣйшій первобытный индо-европ. языкъ состоялъ, какъ выше замѣчено, изъ чистыхъ, неизмѣняемыхъ, односложныхъ корней, которыя въ этомъ самомъ видѣ были вмѣстѣ и словами; въ языкѣ еще не было никакихъ признаковъ, которыми бы различались между собою части рѣчи, числа, лица и т. д. На дальнѣйшей ступени развитія славянскій языкъ является славяно-нѣмецкимъ: онъ многое утратилъ изъ прежняго, но много создалъ и новыхъ формъ, новыхъ признаковъ фонетическихъ и лексикальныхъ, характеризующихъ эту вторую ступень его развитія, и выдѣлившихъ его изъ его прежняго корня. Позднѣе, славяно-нѣмецкій языкъ, проживъ по отдѣленіи отъ индо-европейскаго корня нѣкоторый, въ точности неопредѣлимый, періодъ, подвергся распаденію на двѣ части: на литво-славянскій и нѣмецкій языкъ,—пока не выдѣлился, въ дальнѣйшемъ четвертомъ періодѣ, въ отдѣльный, самостоятельный языкъ славянскій, одинаковый для всѣхъ славянскихъ племенъ. Но исторія не застаетъ славянскаго языка и въ этомъ состояніи: уже на самыхъ первыхъ порахъ исторической жизни славянскаго народа языкъ его является въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ языковъ или нарѣчій, вполнѣ обособившихся одно отъ другаго.

Другое, нежели Шлейхеръ, высказалъ мнѣніе Мюллеръ. По его теоріи, уже до образованія выше названныхъ отдѣловъ, сѣверо-европейскаго и южно-европейскаго, существовалъ одинъ основной для нихъ болѣе древній общеевропейскій языкъ, рѣзко отличавшійся отъ азіатской (индійско-иранской) вѣтви арійскихъ языковъ, какъ по особенностямъ фонетическимъ и лексикальнымъ, такъ и въ культур-

номъ отношеніи. Иначе, М. Мюллеръ принимаетъ первоначальное распаденіе индо - европейскаго языка на сѣверный (сѣверо-западный) отдѣлъ и южный; сѣверный отдѣлъ заключалъ въ себѣ нынѣшніе европейскіе языки арійскаго племени, южный отдѣлъ — иранскіе и индійскіе. Раздѣленіе произошло оттого, что будущіе европейскіе народы пошли на сѣверо-западъ, въ далекій путь, — а ихъ родичи, будущіе иранцы и индійцы, предпочли остаться на исконной родинѣ. Но вообще на попытки ученыхъ строить точную хронологію и генеалогію индо - европейскихъ языковъ М. Мюллеръ смотритъ очень скептически. Нельзя не привести здѣсь слѣдующихъ его словъ:

„...Во всѣхъ наукахъ очень важно ставить правильно задачи, говоритъ онъ. Исканіе ближайшихъ отношеній между множествомъ независимыхъ діалектовъ, чтобы строить на нихъ историческіе выводы относительно развѣтвленія народовъ, кажется мнѣ, по самой сущности дѣла, безплоднымъ. Мы очень хорошо знали прежде, что всѣ арійскіе діалекты находились въ тѣсномъ родствѣ; теперь, когда собрано множество спеціальныхъ сходствъ между каждыми двумя языками мы знаемъ, что

славянскій очень близокъ къ нѣмецкому (Гриммъ, Шлейхеръ),

нѣмецкій къ кельтскому (Эбель, Лоттнеръ),
кельтскій къ латинскому (Ньюманъ, Шлейхеръ),
латинскій къ греческому (Моммсенъ, Курціусъ),
греческій къ санскритскому (Гроссманъ, Зонне, Кернъ),
санскритскій къ Зендскому (Бюрнуфъ), —

не говоря уже о другихъ второстепенныхъ случаяхъ родственности; т. е. если можно примѣнить здѣсь математическія

дѣйствія, мы знаемъ въ концѣ, что знали въ началѣ,—что всѣ эти языки очень близки между собою,—и узнали мы только то, что отдѣльные діалекты арійскаго языка не последовательной очередью (successive) отдѣлялись одинъ отъ другаго, но что они, послѣ долгой общей жизни, медленно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже одновременно, выступали изъ старой родственной связи и получали свою особую національную независимость. Теперь по крайней мѣрѣ, это— единственное, что можно сказать съ спокойной совѣстью и что всего лучше согласуется съ ходомъ развитія другихъ діалектовъ". Über die Resultate der Sprachwissenschaft, Strasburg, 1872. *Пыпинъ*, Древній періодъ русск. литер. и образованности. Вѣстн. Евр., 1875, ноябрь, стр. 114—115.

Мнѣнія Шлейхера и М. Мюллера и досихъ поръ остаются непримиренными въ наукѣ.

Не упоминаемъ объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ по этому вопросу *Боппа* и *Іог. Шмидта* [1]).

II.

Когда и гдѣ произошло окончательное выдѣленіе славянскаго племени отъ родственной ему семьи арійскихъ народовъ, гдѣ находилось мѣсто ихъ первоначальной европейской родины, какими путями шли они отсюда далѣе, къ мѣстамъ своихъ будущихъ историческихъ поселеній, — все это вопросы, на которые при современномъ состояніи археологическихъ и лингвистическо - историческихъ изслѣдованій,

---

[1]) *Joh. Schmidt*, Die Verwandschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen. Weimar. 1872. Ср. *Пыпинъ*, ib. стр. 114.

можно отвѣчать лишь только предположеніями, болѣе или менѣе вѣроятными.

Вообще полагаютъ, что славянскія племена, подобно другимъ индо-европейскимъ народамъ, пришли въ Европу изъ Азіи въ неизвѣстно-давнія времена. Предполагаютъ далѣе, что свою азіатскую прародину славяне покинули еще въ то время, когда вели пастушескій образъ жизни. Первоначально славяне, вѣроятно, не были особенно многочисленны, и не вдругъ, разомъ, заселили обширныя болотистыя и лѣсныя европейскія области; одна часть племени за другою прокладывала себѣ дорогу, истребляя лѣса и заселяя мѣстность. Совершаясь постепенно, это заселеніе могло занять нѣсколько столѣтій; но во всякомъ случаѣ, нужно думать, оно закончилось къ тому времени, когда среднія и южныя части восточной Европы покрылись многочисленными кочевыми ордами скиѳовъ и сарматовъ, т. е. къ V или VI вв. до Р. Х. Впрочемъ, нѣкоторыя славянскія племена, болѣе другихъ запоздавшія, могли еще смѣшиваться съ этими кочевниками, — тѣмъ болѣе, что послѣдніе, хотя отчасти, могли состоять и изъ арійскихъ переселенцевъ.

Мѣсто древнѣйшихъ европейскихъ поселеній славянъ большинство ученыхъ, на основаніи археологическихъ и лингвистическо-историческихъ соображеній, опредѣляютъ — границами верховьевъ Дона и Днѣпра, и далѣе за Днѣпръ, къ восточному берегу Балтійскаго моря и средней Вислы, и къ югу по рѣкѣ Припяти.

Изъ этой обще-европейской родины въ послѣдующія времена отдѣльныя вѣтви славянской народности двинулись въ направленіяхъ сѣверномъ, южномъ и западномъ,—заня-

ли закарпатскія области до Богемскаго лѣса и Заала (р. Саксоніи), на сѣверъ до впаденія Эльбы въ Сѣверное море а на югѣ земли, расположенныя отъ тирольскихъ Альпъ вглубь древней Иллиріи. Русскія же и польскія племена, за исключеніемъ областей, занятыхъ позднѣйшей исторической колонизаціей, — приблизительно занимаютъ, по этому предположенію, и теперь исконныя мѣста жительства своихъ предковъ. Сколько нибудь точную хронологію этихъ славянскихъ разселеній по Европѣ установить, какъ замѣчено, невозможно. Шафарикъ относилъ ихъ приблизительно къ эпохѣ V—VI столѣтій до Р. Хр.; съ этими выводами соглашаются и позднѣйшіе изслѣдователи.

Изъ своей азіатской прародины славянскія племена принесли въ мѣста своихъ начальныхъ европейскихъ поселеній уже довольно высокій уровень культуры. Свидѣтельствомъ этого является ихъ языкъ, — та масса славянскихъ словъ, общихъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, которая своимъ тожествомъ у всѣхъ славянскихъ племенъ указываетъ на общую совмѣстную жизнь, которую вели въ Европѣ нѣкогда всѣ славянскія племена, по переселеніи своемъ изъ Азіи, и на одинъ общій языкъ, одинаково всѣмъ имъ понятный, на которомъ говорили тогда эти племена. Подобно тому, какъ общность словъ индо-европейскихъ языковъ даетъ возможность изслѣдователю бросить взглядъ на до-историческія времена совмѣстной жизни этихъ племенъ на ихъ общей прародинѣ, — точно также общія славянскимъ нарѣчіямъ слова и названія, относящіяся къ домашней жизни, ремесламъ, искусству, праву, религіи и т. д., даютъ изслѣдователю ключъ къ возстановленію, съ большей или меньшей полнотою степени состоянія внѣшней и внутрен-

ней культуры славянъ въ періодъ совмѣстной, до-исторической жизни ихъ въ Европѣ. Впрочемъ, наукой пока сдѣланы въ этомъ отношеніи только попытки [1]).

Приведемъ результаты сдѣланныхъ изслѣдованій.

Прежде всего остановимся на нѣкоторыхъ славянскихъ названіяхъ деревьевъ: эти названія своею

---

[1]) Первыя изъ нихъ принадлежали J. E. Wocel'ю,—въ его статьяхъ: «Значеніе каменныхъ и бронзовыхъ древностей для первобытной исторіи Славянъ" (первоначально была помѣщена въ Časopis'ѣ musea král. českégo, 1852, кн. VIII, позднѣе съ значительными дополненіями издана отдѣльно на нѣмецк. языкѣ, подъ заглавіемъ: Die Bedeutung der Stein-und Bronzealterthümer für die Urgeschichte der Slaven, Prag, 1869) и: O vzdělanosti slovanského narodu v prvotnich sidlech jeho. Časopis musea královstvi českého, 1864, стр. 353 — 370. Акад. Ягичъ въ своей Historija književnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga, Zagreb, 1867, сдѣлалъ новую попытку предпослать обзору памятниковъ народной литературы очеркъ древнѣйшей народной культуры, на основаніи сохранившихся фактовъ языка; русскій переводъ этой книги: Исторія Сербо-Хорватской литературы, Казань, 1872. Болѣе подробную группировку подобныхъ лексикальныхъ и вообще археологическихъ фактовъ представилъ Wocel въ книгѣ Pravěk země české, v Praze, 1878. Изъ болѣе позднихъ, важнѣйшимъ трудомъ въ этомъ отношеніи является книга проф. G. Krek'a: Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, Graz, 1874. а также обширный, но неконченный, трудъ проф. А. С. Будиловича: Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи Славянъ. Часть первая, вып. 1, Кіевъ, 1878; вып. 2, Кіевъ, 1879; часть вторая, вып. 1, Кіевъ 1882. Выводы G. Krek'a отчасти приводятся и Пыпинымъ въ его изслѣдованіи: Древній періодъ русской литературы и образованности. Сравнительно-историческіе очерки. Вѣстн. Евр., 1875, ноябрь, стр. 99 — 141. Нѣкоторые факты, относящіеся къ этому вопросу, сообщаются также Герм. Иречкомъ въ книгѣ Slovanské pravo v čechách a na Moravě (v Praze, 1863) и въ трудѣ Іос. и Герм. Иречковъ: Entstehen christlicher Reiche im Gebiete der heutigen österr. Monarchie, Wien, 1865, и въ книгѣ Шрадера: Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія и пр. Спб. 1886.

общностью во всѣхъ нарѣчіяхъ даютъ, съ своей стороны, подтвержденіе приведенному выше мнѣнію о мѣстѣ первыхъ славянскихъ поселеній въ Европѣ. Сравнивая названія деревьевъ въ славянскихъ языкахъ, изслѣдователи обнаружили тотъ любопытный фактъ, что названія деревьевъ, растущихъ въ Европѣ, въ поясѣ между 45°—60° с. ш., слѣд., въ странахъ, гдѣ, по указанному мнѣнію, обитали славяне въ періодъ своей совмѣстной жизни—о б щ и всѣмъ славянскимъ племенамъ, тогда какъ названія деревьевъ, растущихъ въ болѣе южныхъ областяхъ, являются въ славянскихъ нарѣчіяхъ з а и м с т в о в а н н ы м и или изъ греческаго или изъ латинскаго языковъ. W o c e l приводитъ слѣдующія общія всѣмъ нарѣчіямъ названія: *дубъ*, *липа*, *букъ*, *яворъ*, *осина* (осика, јасика), *верба*, *ель*, *сосна*, *боръ*; въ противоположность этому указываетъ нѣкоторыя названія деревьевъ, растущихъ въ болѣе тепломъ климатѣ и являющіяся у славянъ заимствованными, — какъ *пальма*, *каштанъ*, *цитронъ*, *кипарисъ*, *перецъ*, *лавръ*, *олива*.

Живя въ этой умѣренной мѣстности общею жизнью,— славяне уже тогда имѣли у себя п о с т о я н н ы я ж и л и щ а; на это указываютъ общія всѣмъ славянскимъ языкамъ названія: др.-слав. *вьсь*, рус. *весь*, чешск. *ves*, хорв. *vesnica*, польск. *wieš*, луж. *wjes*; равно какъ рус. и древнесл. *домъ*, чешск. *dům*, польск. и луж. *dom* и т. д. Отдѣльныя части этого жилища были: *стѣна*, *кровъ*, *стрѣха*, *порогъ*, *дверь*, *окно*: всѣ эти слова общи всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Уже въ древнѣйшую пору славянамъ извѣстно было *стекло*, названіе котораго обще всѣмъ имъ. При жильѣ былъ *дворъ*, въ который извнѣ вели *ворота*. Внутри жилища находились: *печь*, *столъ*, *лавка*, *лавица*, *полки*. Славянамъ того времени извѣстна была и и з в е с т ь — ср.

др.-слав. *вапьно*, рус., чешск., серб.-хорв. *вапно јарпо*, и пр.; а что они употребляли гашеную известь для окраски стѣнъ—видно изъ др.-слав. слова *вапъ*, краска. Что славянскія племена въ эпоху совмѣстной жизни имѣли у себя города, умѣли строить ихъ,—на это указываютъ общія всѣмъ славянамъ слова: *градъ, градище, градити, городъ, городить*, и т. д., а также общеславянское сл. *окопъ*.

Въ эпоху совмѣстной жизни славянскія племена преимущественно занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ. Славянскія нарѣчія особенно богаты выраженіями, относящимися къ пастушескому образу жизни; изъ этого заключаютъ, что славяне издавна уже занимались скотоводствомъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ напр. ихъ исконные сосѣди, германцы, которые не такъ богаты подобными выраженіями, и которые наоборотъ больше предавались, повидимому, войнѣ и охотѣ. Занимаясь скотоводствомъ, славяне имѣли при себѣ прирученными почти всѣхъ домашнихъ животныхъ, — на что указываютъ общія названія *вола, быка, буйвола, коровы, овцы, козы, коня*. Всѣмъ славянамъ общи также названія: *волна, молоко, масло*. Скотоводство давало матеріалъ и для одежды, — на что указываетъ слово *кожухъ*, одинаково извѣстное всѣмъ славянамъ и означающее особый родъ мѣховой одежды. Другимъ господствующимъ занятіемъ славянскихъ племенъ въ то время было земледѣліе. Судя по свидѣтельству языка, славяне имѣли тогда уже полное знакомство со всѣми главными родами хлѣба, а равно и со способами обработки его. Слова: пшеница, рожь, просо, ячмень, овесъ—во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣже: др.-болг. *пьшеница*, рус. *пшеница*, польск. *pszenica*, луж.-серб. *pšenica*, чешск. и угро-

слов. *pšenica*; др.-болг. *ръжь*, рус. *рожь*, польск. *rež*, луж.-серб. *rož*, чешск. и угро-слов. *rež*; др.-болг. *просо*, рус. *просо*, польск. *proso*, луж. серб. *přoso*, чешск. и слав. *proso*; др.-болг. ѩчьмы, рус. *ячмень*, польск. *jęczmień*, луж.-серб. *ječmjen*, чешск. *ječmen*, слав. *jačmen*; др.-болг. *овьсъ*, рус. *овесъ*, польск. *owies*, луж.-серб. *wows*, чешск. и слав. *oves*. и т. д. Для выраженія общаго понятія о хлѣбѣ служило сл. *жито*, одинаковое во всѣхъ нарѣчіяхъ. У отдѣльныхъ племенъ слово это впослѣдствіи приняло и болѣе тѣсное значеніе—того рода хлѣба, котораго больше всего производилось у даннаго племени; такъ въ Россіи, Чехіи и Польшѣ подъ *житомъ* разумѣется рожь, въ Хорватіи—просо, въ Банатѣ пшеница и т. д. Кромѣ перечисленныхъ родовъ хлѣбныхъ растеній, славянамъ тогда же были извѣстны: *горохъ*, *чичевица*, (*чочка*, *сочевица*), *макъ*, *рѣпа*, *бобы*, *лукъ*, *чеснокъ*,—названія которыхъ приблизительно одинаковы у всѣхъ славянскихъ племенъ. Очевиднымъ доказательствомъ, что славяне, въ эпоху совмѣстной европейской жизни, были народомъ хорошо знакомымъ съ земледѣліемъ, служитъ также сл. *снопъ*, тожественное почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Хлѣбное *зерно* мололось или руками посредствомъ жернова (др.-болг. *жрънвъ*, польск. *žarna*, чешск. *žernow* и т. д.) или на мельницѣ; изъ полученной этими способами муки (др.-болг. мѫка, рус. *мука*, чешск. *mouka*, польск. *mąka* и т. д.) дѣлалось, припосредствѣ *дрожжей* (квасъ), *тѣсто*, изъ котораго пекли *хлѣбы*, *калачи*. Издавна однимъ изъ любимыхъ кушаньевъ славянъ была *каша*. Въ чемъ собственно состояли земледѣльческія работы первобытныхъ славянъ,—указываютъ такія, общія всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, слова и выраженія, какъ: *пахать*, *орать бороздами*, *сѣять*,

жать, косить, вязать снопы, молотить цѣпами на гумнѣ, класть стога. Изъ полевыхъ посѣвовъ одни назывались у славянъ уже въ то врамя *яровыми* (ср. одинаковыя во всѣхъ нарѣчіяхъ слова: *jarina, jarzyna, jarica*), другіе *озимыми* (ср. *ozimina*), третій родъ хлѣба оставлялся *подъ паръ* (*na ugaru*, ср. *uhor, ugor*). Важнѣйшее орудіе обработки земли, *плугъ*, былъ хорошо извѣстенъ первобытнымъ славянамъ; не только общее его названіе тожественно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но во всѣхъ нарѣчіяхъ одинаково называются и его составныя части: *грядиль, gredeli, grządziel, hřidel,—лемехъ, lemeš, lemiesz — отрѣзъ, crtalo,* и т. д. По мнѣнію Я. Гримма и др. изслѣдователей, нѣм. *pflug* заимствовано изъ слав. *плугъ*, а не на оборотъ. Одинаково всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ принадлежитъ и другое названіе плуга—*рало, radlo.* Изъ другихъ хозяйственныхъ орудій первобытнымъ славянамъ были извѣстны: *коса, серпъ, мотыка, лопата, долото, клещи*; при земледѣльческихъ работахъ употреблялись *коло,—колеса, телѣга, тачка, возъ.* При работахъ лошади и волы *запрягались*, при чемъ для воловъ употреблялось издавна *ярмо.*

Земледѣльческія орудія бо́льшею частью, вѣроятно, приготовлялись изъ *желѣза*,—которое также стало извѣстнымъ славянамъ до раздѣленія ихъ на позднѣйшія племена; самое слово обще всѣмъ нарѣчіямъ. Вообще славянамъ уже въ эпоху ихъ общей жизни были извѣстны металлы, о чемъ свидѣтельствуютъ общеславянскія слова: *ковъ, ковать,—кузнецъ* (малор. и польск. *коваль*, чешск. *kowař*, луж. *kowař*, хорв. и болг. *ковачъ*); кромѣ желѣза, имъ извѣстны были *золото, серебро, мѣдь, олово* — названія которыхъ во всѣхъ

славянскихъ нарѣчіяхъ одинаковы [1]).

Искони славянамъ извѣстно было также пчеловодство,—на что указываютъ общія славянскія слова: *пчела, медъ, воскъ, улей, пчельникъ.* Что славяне употребляли для освѣщенія воскъ, а также сало (=*лой*), доказываетъ слово *свѣча*, существующее во всѣхъ нарѣчіяхъ.

Вмѣстѣ съ скотоводствомъ, земледѣліемъ и пчеловодствомъ, первобытнымъ славянамъ извѣстны были и нѣкоторыя изъ ремеслъ; самое слово *ремесло* обще почти всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Точно также во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ существуютъ одинаковыя названія ремесленниковъ, — какъ: *кузнецъ, мѣдаръ, золотаръ, гончаръ, ткачъ* и нр. др. Изъ ремеслъ самыми необходимыми были *тканье, пряжа*; при этомъ славянами употреблялись: *веретено, пряслица, станъ, кросна, челнокъ, бердо.* Посредствомъ тканья получались *полотно* и *сукно.* Изъ полотна дѣлались *ризы*,—названіе общее всѣмъ славянамъ, *кошули* (*košulje, kosula, košile*) и *гачи*, изъ сукна *плащъ*, а также *сукни* (*suknja, suknjica, suknjenjača*)—обыкновенная одежда мужчинъ и женщинъ. Изъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ, обиходѣ уже тогда славяне умѣли дѣлать *бочки, кадки, корыта, кошницы, короба, сита, рѣшета, ложки, джбаны, котлы, подковы.* Ремесленники первобытныхъ славянъ умѣли дѣлать также разные предметы украшеній,—какъ то: *обручи*, служившіе украшеніемъ для плечъ и рукъ, *перстни, печати.*

[1]) См. относительно этого интересную статью проф. Котляревскаго: Металлы и ихъ обработка въ до-историческую эпоху у племенъ индо-европейскихъ. Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества, т. I, М. 1865, стр. 43—70.

